

Издательство «Детская литература» Ленинград 1969

СВИНОПАС

Перевод А. В. Ганзен 5

ХОЛЬГЕР-ДАТЧАНИН

Перевод А. Я. Эмзиной 53

СУНДУК-САМОЛЕТ

Перевод А. В. Ганзен 83

СТОЙКИЙ
ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

Перевод А. В. Ганзен 133

ДЕВОЧКА СО СПИЧКАМИ

Перевод Ю. Я. Яхниной 179

ОГНИВО

Перевод А. В. Ганзен 211

ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ

Перевод А. В. Ганзен 259

ПАСТУШКА И ТРУБОЧИСТ

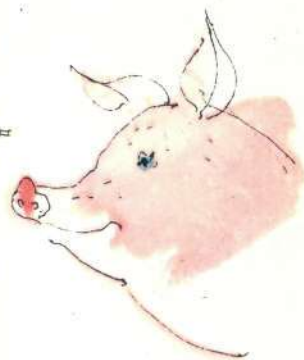
Перевод А. И. Кобецкой 289

СВИ-
НО-
ПАС

Жил-был бедный принц. Королевство у него было совсем маленькое, но всё-таки не настолько уж ничтожное, чтобы принцу нельзя было жениться; а жениться ему хотелось.

Это, конечно, было дерзко с его стороны — спросить дочь императора: «Пойдёшь за меня?» Впрочем, имя он носил славное и знал, что

сотни принцесс с радостью приняли бы его предложение. Интересно знать, что ответила ему императорская дочка.

Послушаем же, как дело было.

Отец у принца умер, и на его могиле вырос розовый куст невиданной красоты; цвёл он

только раз в пять лет, и распускалась на нём одна-единственная роза. Но что это была за роза! Она благоухала так сладостно, что, понюхав её — и заботы свои и горе забудешь. Ещё был у принца соловей, который пел так чудесно, словно в горлышке у

него хранились все самые прекрасные мелодии, какие только есть на свете. И роза и соловей предназначались в дар принцессе; их положили в большие серебряные ларцы и отослали к ней.

Император приказал внести ларцы прямо в

большой зал, где принцесса играла с фрейликами в «гости», — других занятий у неё не было. Увидав большие ларцы с подарками, принцесса от радости захлопала в ладоши.

— Если бы там оказалась маленькая киска! — воскликнула она.

Но в ларце был розовый куст с прекрасной розой.

— Ах, как мило она сделана! — залепетали фрейлины.

— Больше чем мило, — проговорил император, — прямо-таки великолепно!

Но принцесса потрогала розу и чуть не заплакала.

— Фи, папа! — сказала она. — Она не искусственная, а настоящая!

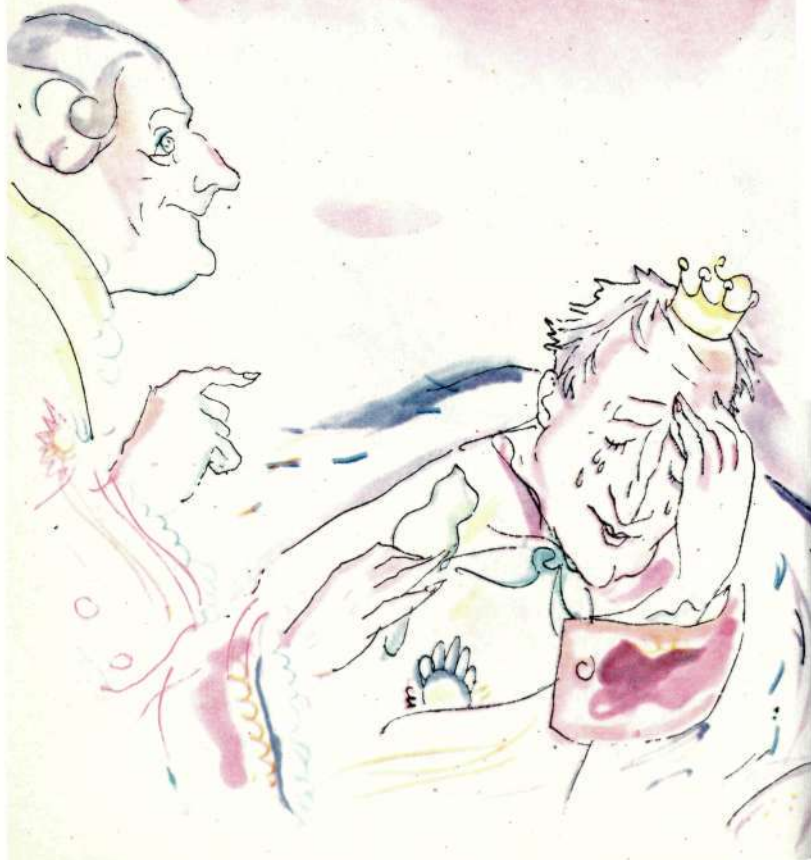
— Фи! — повторили все придворные. — Настоящая!

— Подождите! Посмотрим сначала, что в другом ларце, — провозгласил император.

И вот из ларца вылетел соловей и запел так чудесно, что ни у кого язык не повернулся сказать о нём дурное слово.

— Superbe! Charmant!¹ — зата-

¹ Бесподобно! Прелестно! (Франц.)

раторили фрейлины, все они болтали по-французски одна хуже другой.

— Как эта птичка напоминает мне музыкальную табакерку покойной императрицы! — сказал один старый придворный. — Тот же тембр, та же подача звука!

— Да! — воскликнул император и заплакал как ребёнок.

— Надеюсь, что птица не настоящая? — спросила принцесса.

— Самая настоящая! — ответили ей послы, доставившие подарки.

— Так пусть летит, куда хочет! — заявила принцесса и отказалась принять принца.

Но принц не пал духом, — вымазал себе всё лицо чёрной и коричневой краской, надвинул шапку на глаза и постучался в императорский дворец.

— Добрый день, император! — сказал он. — Не найдётся ли у вас во дворце какой-нибудь работы для меня?

— Много вас тут ходит да просит! — ответил император. — Впрочем, погоди — вспомнил: мне нужен свинопас. Свиной у нас тьма-тьмушая.

И вот принца назначили придворным свинопасом и поместили его в убогой крошечной камерке, рядом со свиными закутами. Весь день

он сидел и что-то мастерил, и вот к вечеру смастерил волшебный горшочек. Горшочек был весь увешан бубенчиками, и когда в нём что-нибудь варили, бубенчики вызванивали старинную песенку:

*Ах, мой милый Августин,
Августин, Августин,
Ах, мой милый Августин,
Всё прошло, всё!*

Но вот что было всего
занимательней: поддержишь
руку над паром, который
поднимался из горшочка, и
сразу узнаешь, кто в городе
какое кушанье стряпает. Да,
уж горшочек этот был не че-
та какой-то там розе!

В полдень принцесса отправилась на прогулку со своими фрейлинами и вдруг услышала мелодичный звон бубенчиков. Она сразу остановилась и просияла: ведь сама она умела играть на фортепьяно только одну эту песенку — «Ах, мой милый Августин!», да и то лишь одним пальцем.

— Ах, и я тоже это играю! — сказала принцесса. — Вот как! Значит, свинопас у нас обра-

зованный! Слушайте, пойдите кто-нибудь и спросите у него, сколько стоит этот инструмент.

Пришлось одной из фрейлин надеть деревянные башмаки и отправиться на задний двор.

— Что возьмёшь за горшочек? — спросила она.

— Десять поцелуев принцессы! — ответил свинопас.

— Как можно! — воскликнула фрейлина.

— Дешевле нельзя! — отрезал свинопас.
— Ну, что он сказал? — спросила принцесса.
— Право, и повторить нельзя! — ответила фрейлина. — Ужас что сказал!
— Так шепни мне на ухо.
И фрейлина шепнула.
— Вот нахал! — рассердилась принцесса и пошла было прочь, но... бубенчики зазвенели так приманчиво:

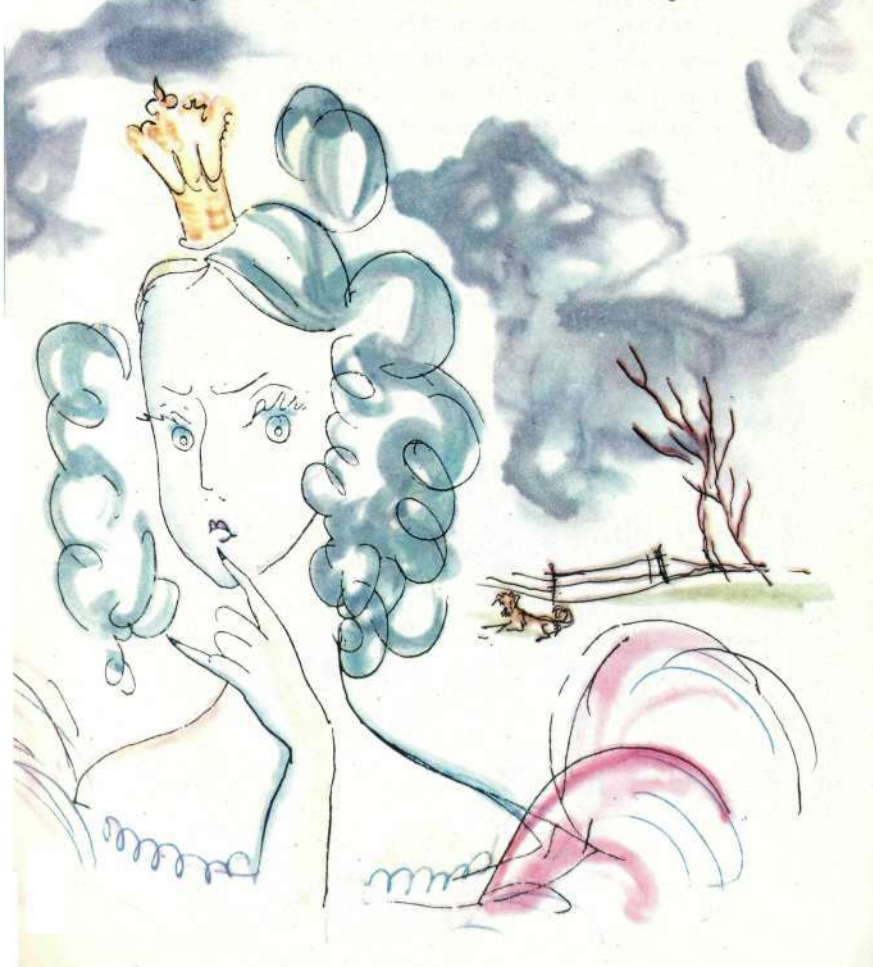
*Ах, мой милый Августин,
Всё прошло, всё!*

— Послушай, — сказала принцесса фрейлине. — Пойди спроси, не возьмёт ли он десяток поцелуев моих фрейлин?

— Нет, спасибо, — ответил свинопас. — Десять поцелуев принцессы; а иначе горшочек останется у меня.

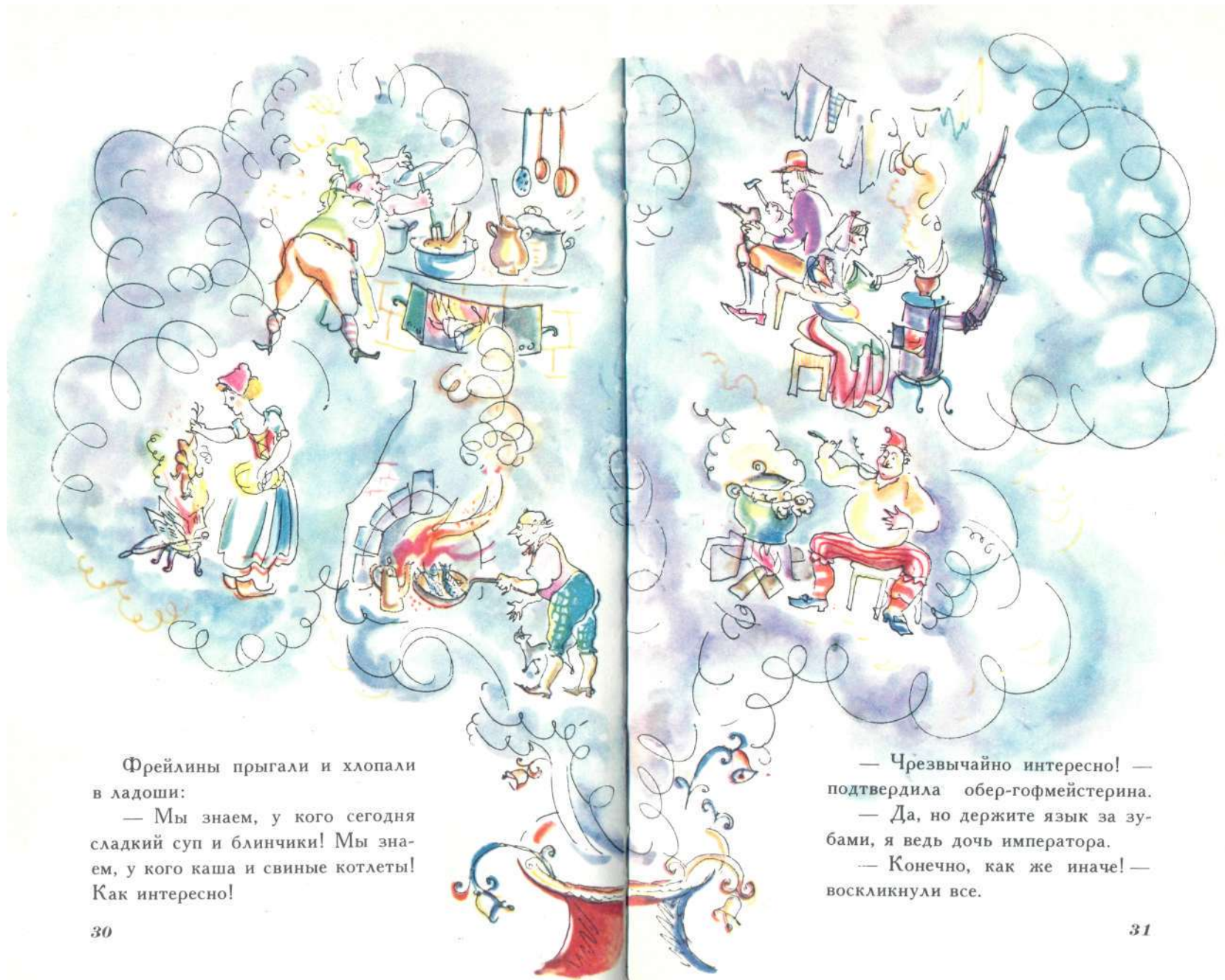
— Как это неприятно! — проговорила принцесса. — Ну что ж, делать нечего! Придётся вам окружить нас, чтобы никто не подсмотрел.

Фрейлины обступили принцессу и загородили её своими пышными юбками. Свинопас получил от принцессы десять поцелуев, а принцесса от свинопаса — горшочек.

Вот была радость! Весь вечер и весь следующий день горшочек не снимали с очага, и в городе не осталось ни одной кухни, от камергерской до сапожниковой, о которой не стало бы известно, какие кушанья в ней готовились.

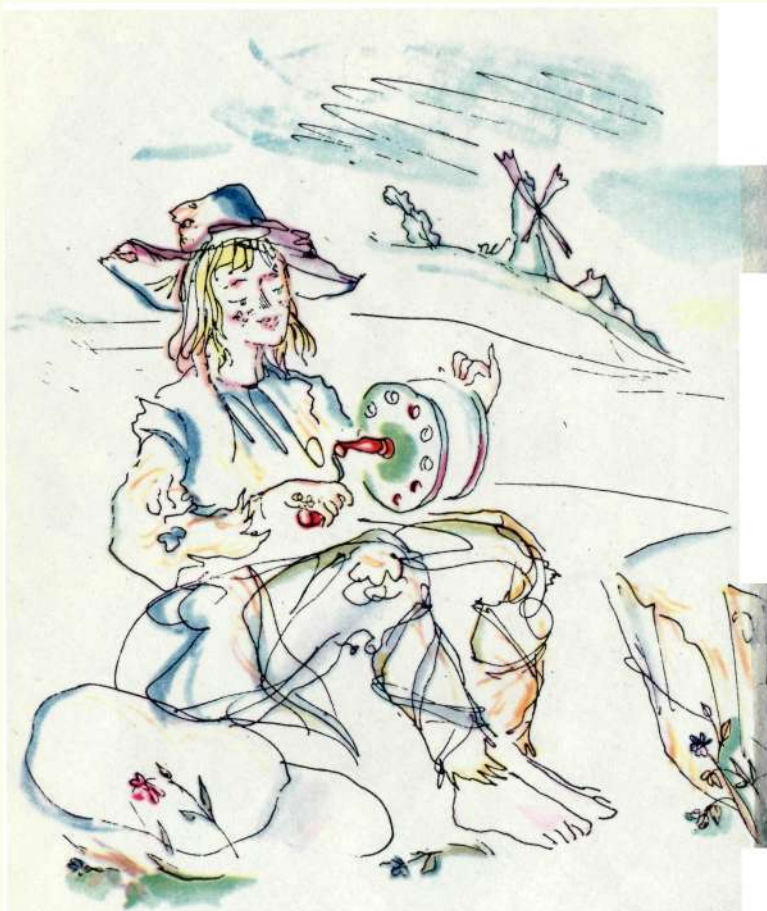
Фрейлины прыгали и хлопали в ладоши:

— Мы знаем, у кого сегодня сладкий суп и блинчики! Мы знаем, у кого каша и свиные котлеты! Как интересно!

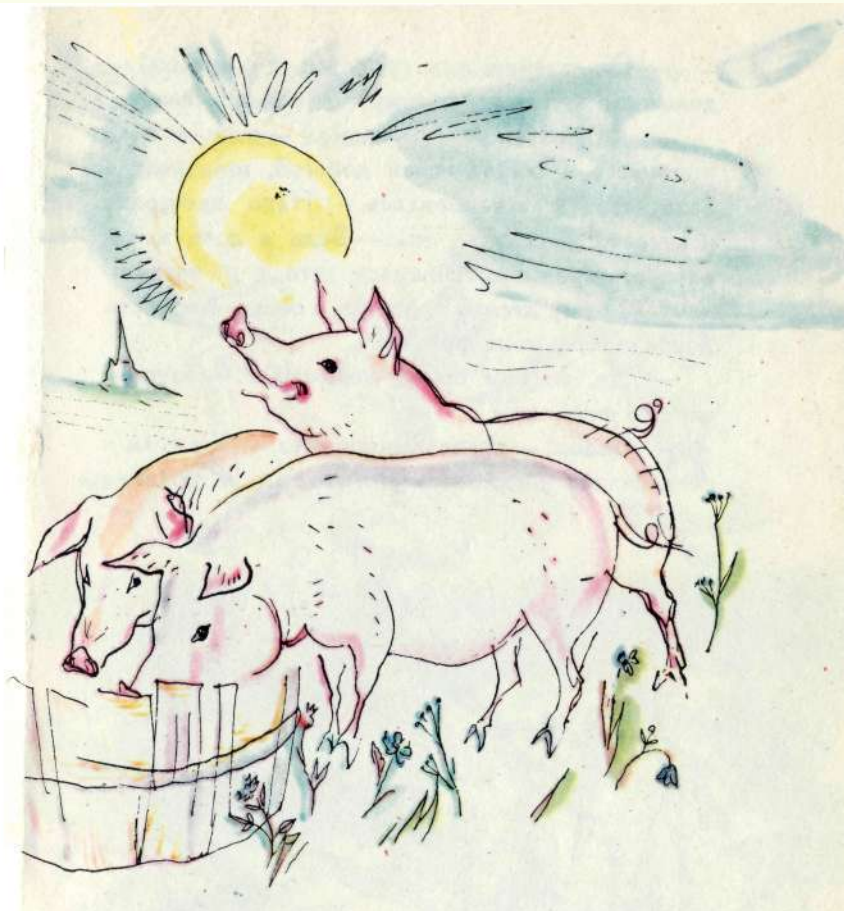
— Чрезвычайно интересно! — подтвердила обер-гофмейстерина.

— Да, но держите язык за зубами, я ведь дочь императора.

— Конечно, как же иначе! — воскликнули все.

А свинопас (то есть принц, но его все считали свинопасом) даром времени не терял и смастерил трещотку; стоило этой трещоткой взмахнуть, как она начинала играть все вальсы и польки, какие только существуют на белом свете.

— Какая прелесть! — воскликнула принцесса, проходя мимо. — Вот так музыка! В жизни не слыхала ничего лучше! Подите спросите, за сколько он отдаст этот инструмент. Но целоваться я больше не стану!

— Он требует сто поцелуев принцессы! — доложила фрейлина, побывав у свинопаса.

— Да что он, с ума сошёл? — воскликнула принцесса и пошла своей дорогой, но шагнула раза два и остановилась. — Надо поощрять искусство! — сказала она. — Ведь я дочь императора! Скажите свинопасу, что я по-вчерашнему дам ему десять поцелуев, а остальные пусть дополучает с моих фрейлин.

— Да, но нам бы не хотелось... — заупрямились фрейлины.

— Вздор! — сказала принцесса. — Уж если я согласилась поцеловать его, то вы и подавно

должны согласиться! Не забывайте, что я вас кормлю и плачу вам жалованье.

И фрейлине пришлось ещё раз отправиться к свинопасу.

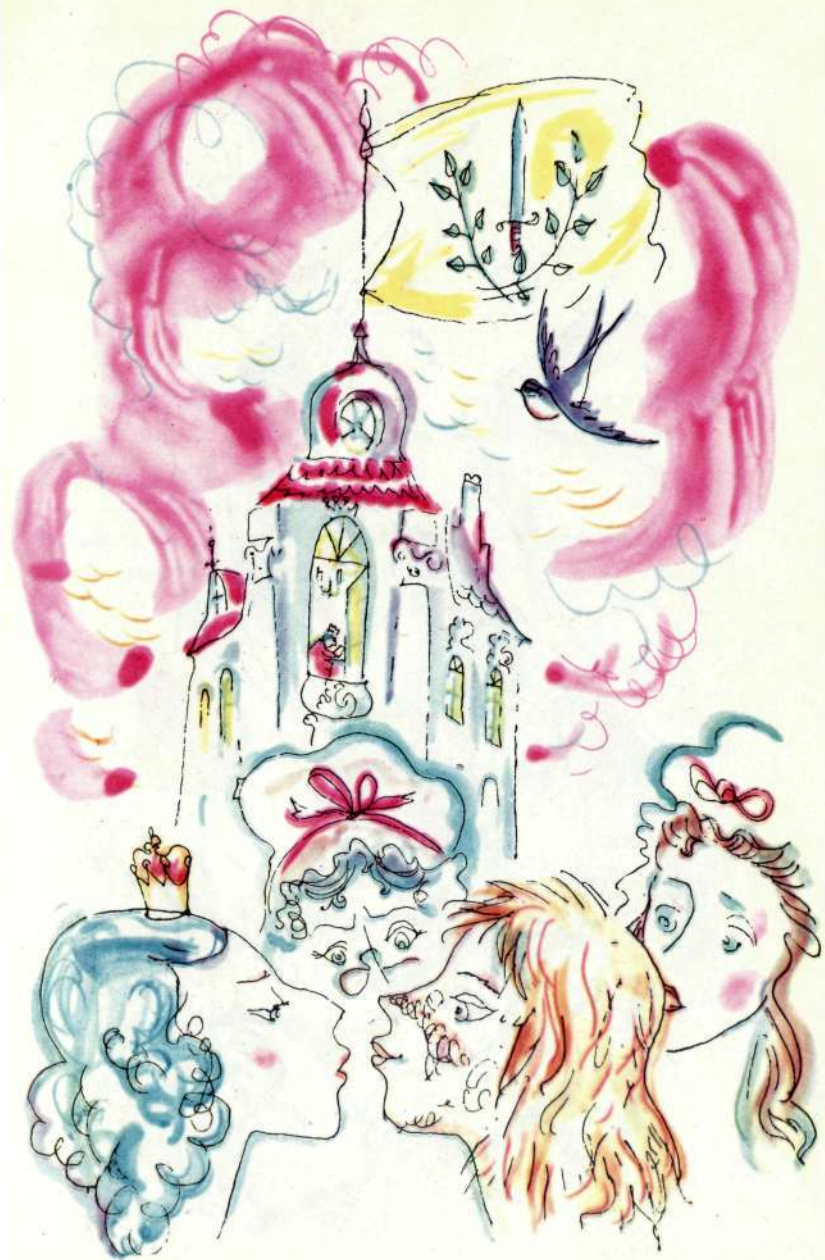

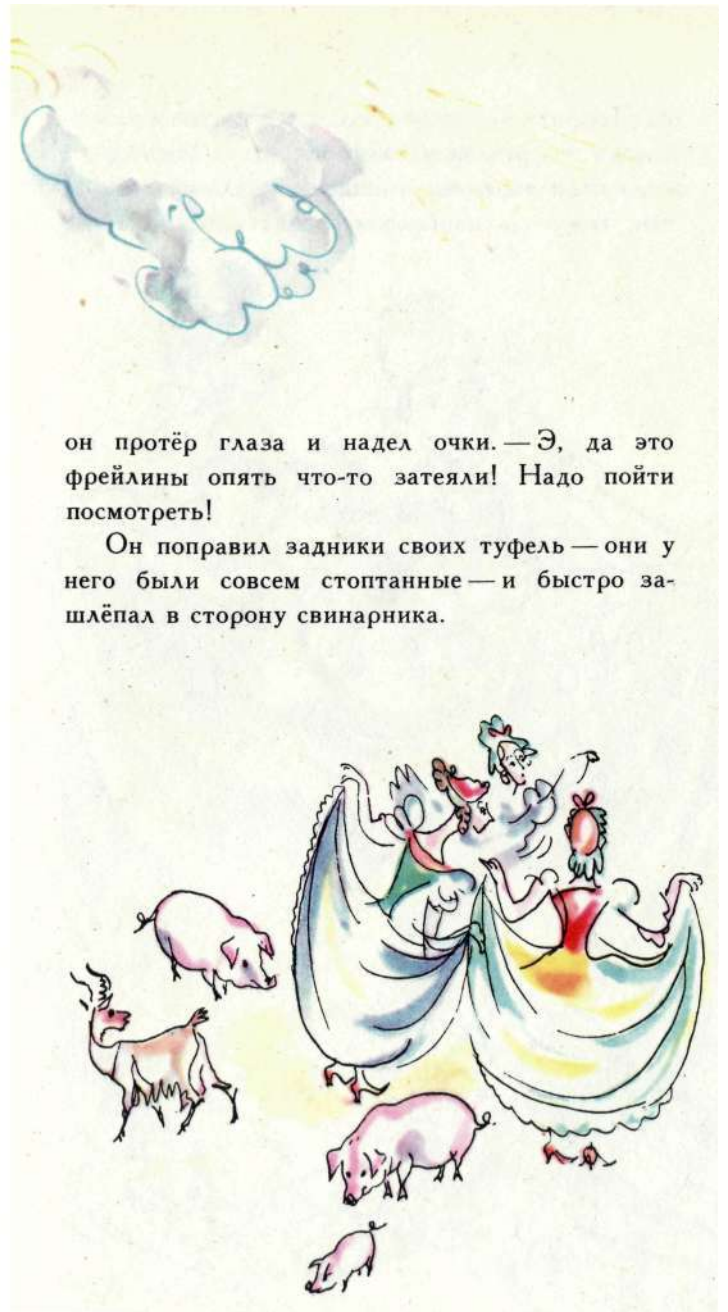
— Сто поцелуев принцессы! —
повторил он. — А нет — останем-
ся каждый при своём.

— Станьте в круг! — скомандовала принцесса; и фрейлины обступили её, а свинопас принялся её целовать.

— Что это за сборище у свинных закут? — спросил император, когда вышел на балкон;

он протёр глаза и надел очки. — Э, да это фрейлины опять что-то затеяли! Надо пойти посмотреть!

Он поправил задники своих туфель — они у него были совсем стоптанные — и быстро зашлёпал в сторону свинарника.

Придя на задний двор, он потихоньку подкрался к фрейлинам, которые были поглощены подсчётом поцелуев, — надо же было следить за тем, чтобы со свинопасом расплатились честь по

честь и он получил не больше и не меньше того, что ему причиталось. Никто поэтому не заметил императора, а он подошёл поближе и стал на цыпочки.

— Это ещё что за шутки! — крикнул он, увидев, что его дочка целуется со свинопасом, и хлопнул её туфлём по темени как раз в ту ми-

нуту, когда свинопас получал от неё восемьдесят шестой поцелуй. — Вон отсюда! — в гневе заорал император и выгнал из своего государства и принцессу и свинопаса.

И вот теперь принцесса стояла и плакала.
Свинопас бранился, а дождик поливал их обоих.
— Ах я несчастная! — ныла принцесса. —

Отчего я не вышла за красавца принца! Ах, до
чего же мне не повезло!

Меж тем свинопас зашёл за дерево, стёр

с лица чёрную и коричневую краску, скинул простую одежду и явился перед принцессой в своём королевском платье. И так он был хорош собой, что принцесса сделала ему реверанс.

— Теперь я тебя презираю! — сказал он. — Ты не захотела выйти за принца! Ни соловья, ни розы ты не оценила, а согласилась целовать свинопаса за безделушки! Поделом же тебе!

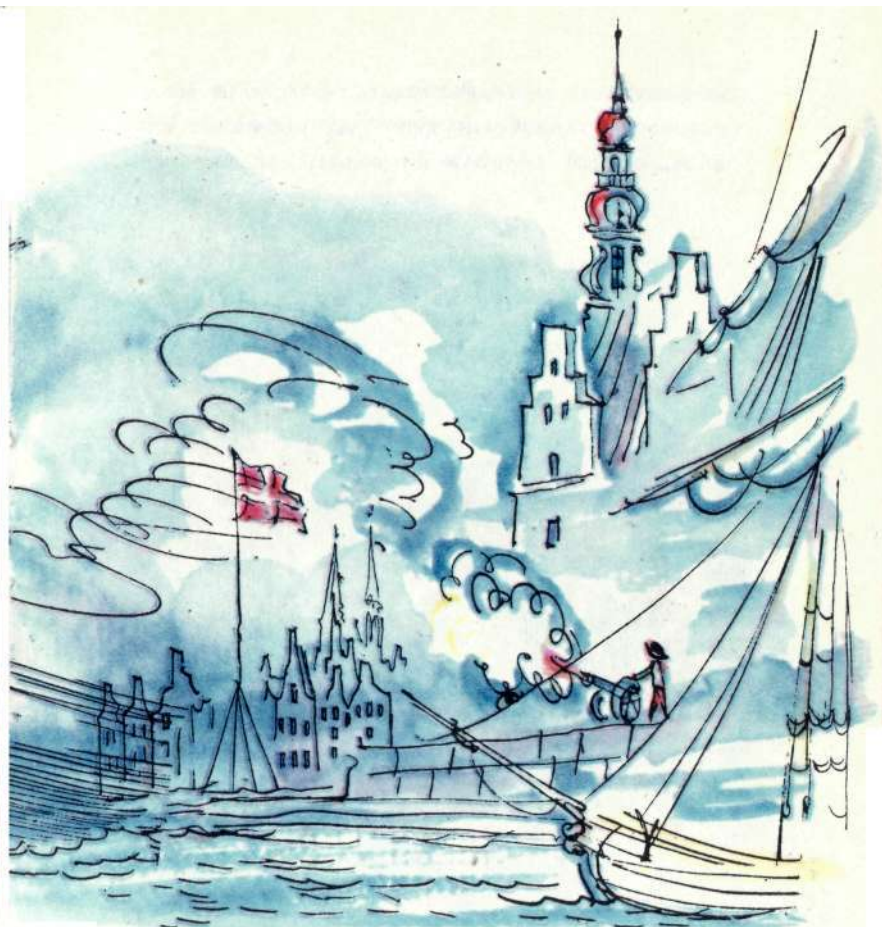
Он вернулся в своё королевство и, крепко
захлопнув за собой дверь, запер её на замок.
А принцессе осталось только стоять да петь:

*Ах, мой милый Августин,
Всё прошло, всё!*

Есть в Дании старинный замок Кронборг. Он стоит на берегу пролива Эресунд, по которому каждый день проплывают сотни больших кораблей. Среди них встречаются и английские, и русские, и прусские. Все они приветствуют древний замок пушечными залпами — бум-бум, и пушки замка тоже отвечают им — бум-бум.

Ведь пушки, переговариваясь, только и могут сказать, что «добрый день» да «большое спасибо». Зимой корабли не ходят, так как весь

пролив покрыт льдом, но зато между его берегами, датским и шведским, люди прокладывают настоящую дорогу. По обочинам её развеваются датские и шведские флаги, а датчане и шведы

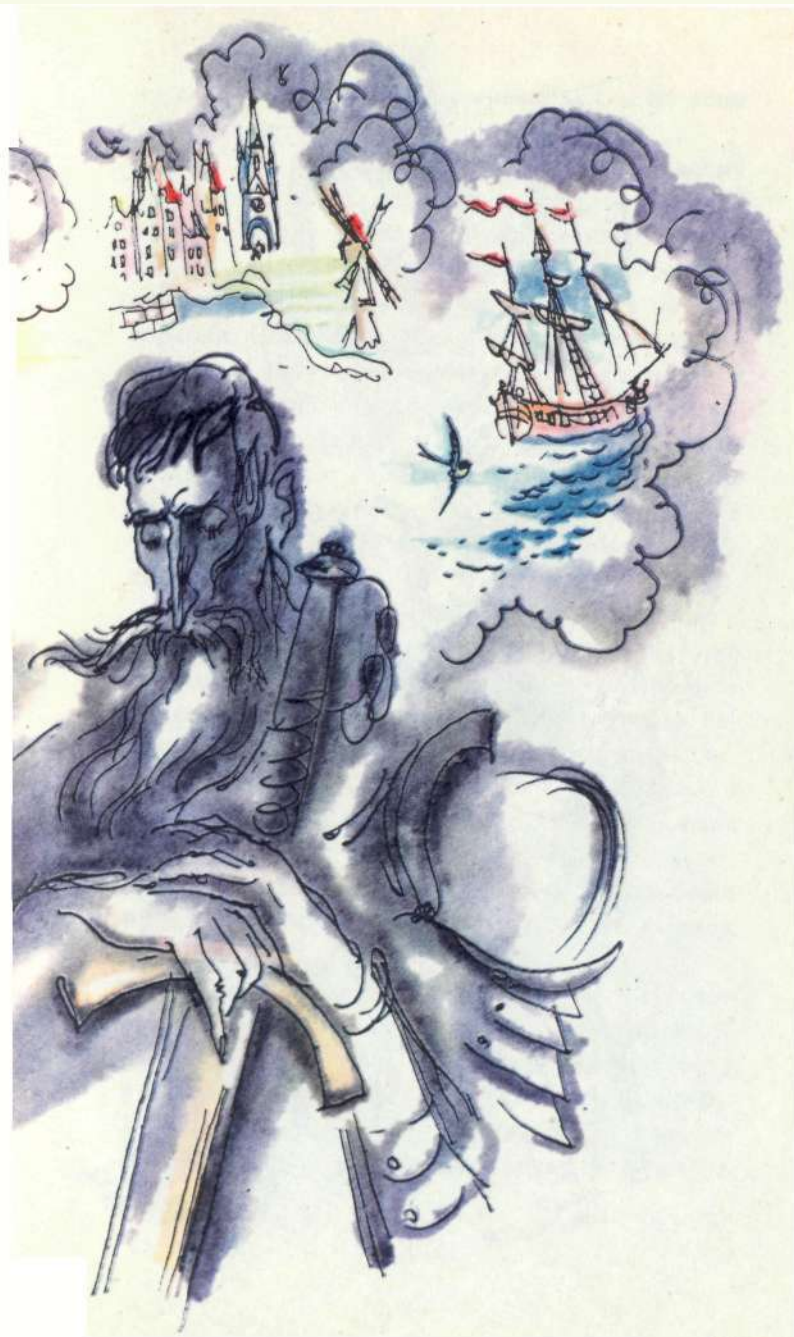
говорят друг другу «добрый день» и «большое спасибо», приветствуя один другого не пушеч-

ной пальбой, но дружескими рукопожатиями. Они покупают друг у друга белые булочки и крендельки, — ведь чужая еда всегда вкуснее кажется.

Но самое замечательное в этом краю — старинный замок Кронборг, где в глубоком тёмном подвале сидит Хольгер-Датчанин. Сидит он, закованный в стальные и железные латы, положив голову на могучие руки, а его длинная борода перевесилась через мраморный стол. Он крепко спит, и видит сны, и ему снится всё, что происходит в его родной Дании. Каждую ночь под Новый год к нему является посланец и подтверждает, что всё, что снилось в этом году Хольгеру-Датчанину, — сущая правда, и он может спокойно спать, ибо его родине не грозит большая опасность.

Но как только возникнет такая угроза, старый Хольгер-Датчанин поднимется во весь свой громадный рост, да так стремительно, что приросшая к столу борода оторвётся и на мраморе появится трещина. Тогда он выйдет

из своего подвала, чтобы сражаться, и об этом услышит весь мир.

Всё это один старый дед рассказал своему маленькому внуку, а мальчик знал, что дедушка всегда говорит правду. Рассказывая, дед вырезал из дерева большую фигуру Хольгера-Датчанина, которую должны были укрепить на носу корабля. Старик был резчик, он изготовлял деревянные фигуры, которые водружают на носу кораблей, — по ним корабли и получают название. Хольгер-Датчанин был уже почти готов: стоял прямой, с горделивым видом, а длинная борода свешивалась ему на грудь; в одной руке он держал тяжёлый меч, а другой опирался на датский герб.

Старик так много и так интересно рассказывал о знаменитых датчанах, что внуку уже казалось, будто он знает о них ничуть не меньше самого Хольгера-Датчанина, — тот ведь видел всё происходившее в Дании только во сне. А когда мальчик лёг спать, он много думал о Хольгере-Датчанине, и стоило его подбородку прикоснуться к перинке, которой он был укрыт, как ему начинало казаться, что у него длинная борода и она начинает прирастать к этой перинке.

Старик всё ещё продолжал работать. Теперь ему осталось вырезать только датский герб. Когда герб был готов, он осмотрел свою работу и припомнил всё, что ему когда-либо приходилось слышать и читать, а также то, что он сам сегодня вечером рассказывал внуку. Он кивнул

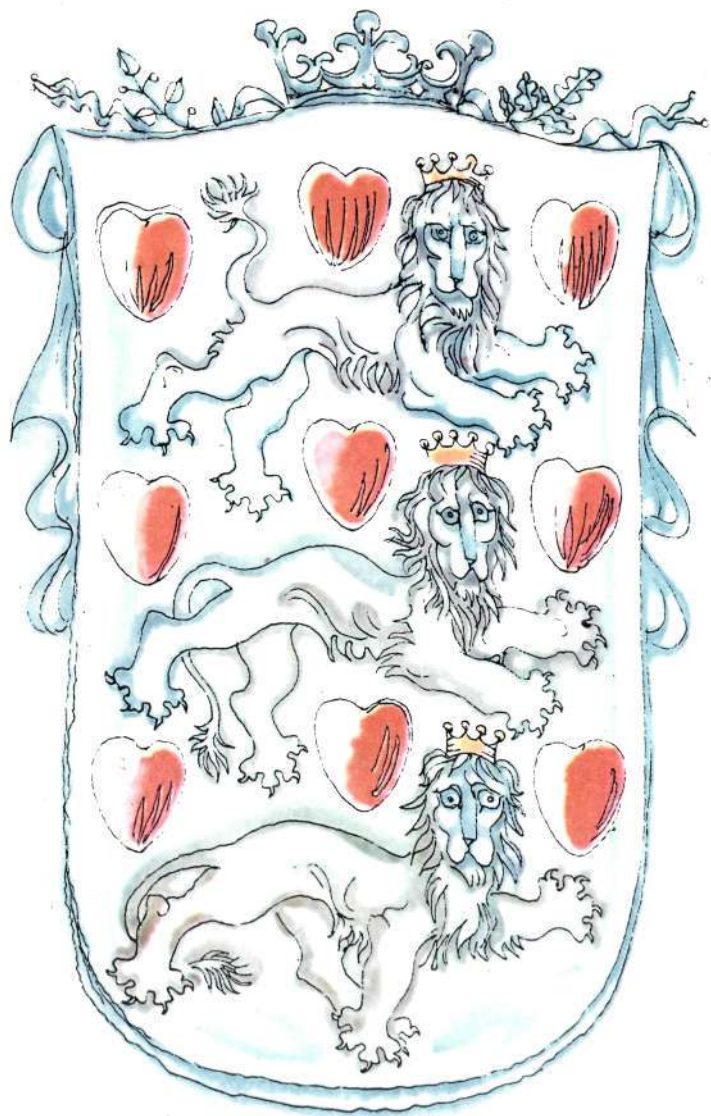

головой, снял очки, протёр их, снова надел и проговорил:

— Вряд ли мне самому доведётся увидеть Хольгера-Датчанина, а вот тому малышу, что сейчас лежит там в постельке, может, и посчастливится встретить его в решающий для родины час.

То и дело кивая головой, старик внимательно разглядывал своего Хольгера-Датчанина и всё больше убеждался, что фигура получилась на славу. Ему даже почудилось, будто она ожила

и латы засверкали, как настоящий металл; по-
чудилось, будто сердца на датском гербе за-
алели, а львы в золотых коронах готовятся
к прыжку.

— Наш датский герб всё-таки самый краси-
вый в мире, — сказал старик, — его львы олице-
творяют силу, а сердца — милосердие и лю-
бовь!..

Сложив руки, старик устремил глаза вдаль. Невестка подошла к нему и сказала, что час уже поздний, пора ему и отдохнуть; ужин стоит на столе.

— До чего же хорошо у тебя получилось, дедушка! — воскликнула она. — Хольгер-Датчанин как живой, а вот и наш старинный герб! Мне кажется, что я где-то видела лицо, точь-в-точь похожее на то, которое ты вырезал, — добавила она.

— Вряд ли, — отозвался дед, — но я-то видел его и теперь постарался сделать его таким, каким оно мне запомнилось. Это было в тот незабываемый для датчан день второго апреля¹, когда у нас на рейде стояли английские корабли и мы показали себя истинными патриотами. Когда я служил в эскадре Стейна Билля на корабле «Данмарк»², рядом со мной находился один человек, — всем нам казалось, что пули его

¹ Второго апреля 1801 года английский флот под командованием адмирала Нельсона разбил вблизи Копенгагена датский флот.

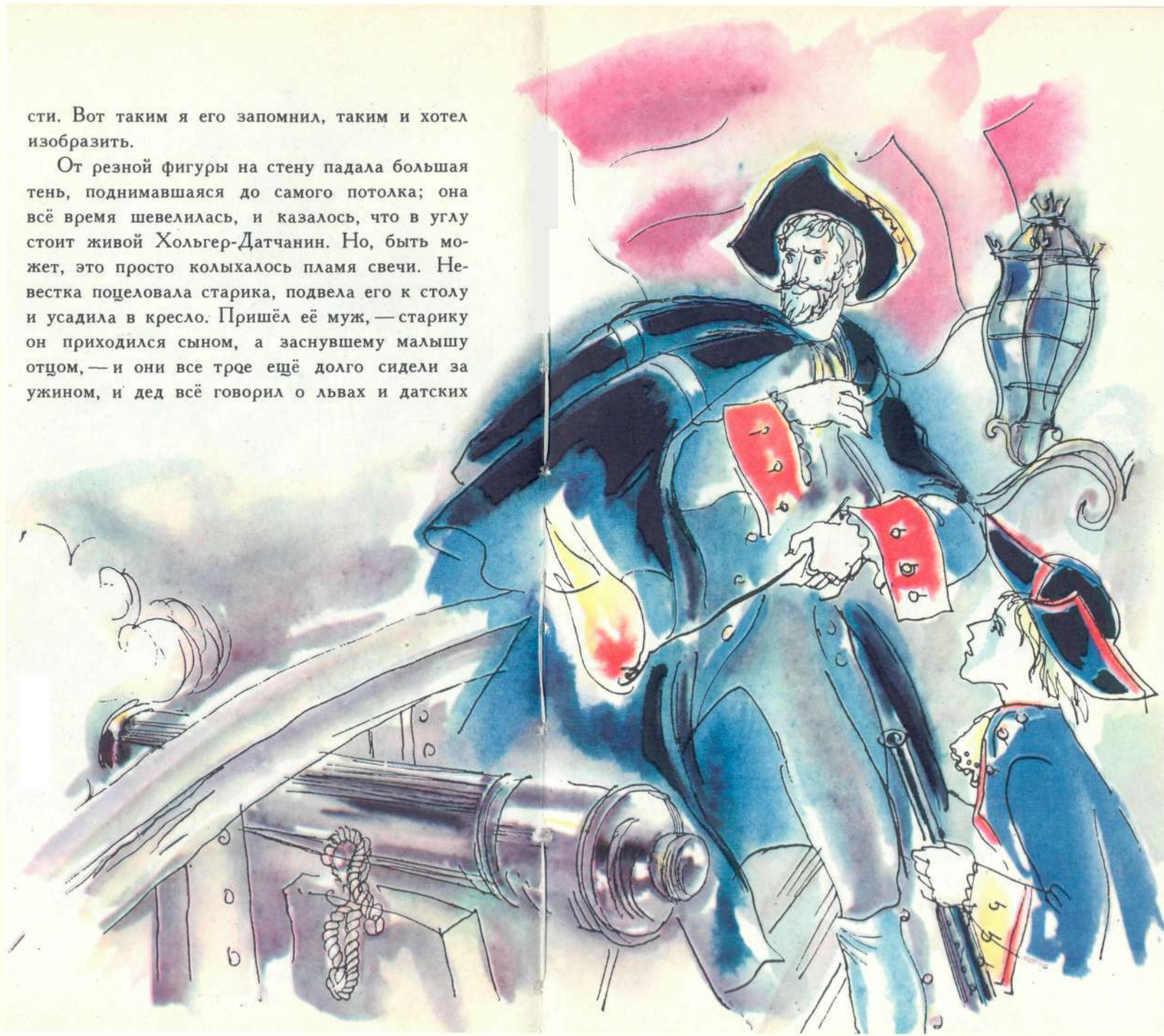
² Данмарк — Дания. (Дат.)

бояться. Как весело он распевал старинные песни! Как он сражался! Не верилось, что это простой смертный. Я до сих пор помню его лицо; но ни я, ни другие не знали, откуда он родом и куда удалился потом. Впоследствии мне часто приходило на ум, что это был, пожалуй, сам Хольгер-Датчанин, который приплыл к нам из Кронборга и выручил нас в час опасно-

сти. Вот таким я его запомнил, таким и хотел изобразить.

От резной фигуры на стену падала большая тень, поднимающаяся до самого потолка; она всё время шевелилась, и казалось, что в углу стоит живой Хольгер-Датчанин. Но, быть может, это просто колыхалось пламя свечи. Невестка поцеловала старика, подвела его к столу и усадила в кресло. Пришёл её муж, — старику он приходился сыном, а заснувшему малышу отцом, — и они все трое ещё долго сидели за ужином, и дед всё говорил о львах и датских

сердцах, об их силе и милосердии. «Но, — сказал он, — помимо силы меча, есть на свете и другая сила», — и дед показал на полку, заставленную старыми книгами. Все их хорошо знали и перечитывали по многу раз: очень уж заняты были эти книги, и кажется, будто ты знал людей, которые в них выведены, хоть они и жили в стародавние времена.

— И книги умеют сражаться; они высмеивают в людях всё дурное и смешное! — дед кивком показал на зеркало, рядом с которым висел календарь с видом Круглой башни, и заметил: — Тихо Браге¹ тоже был одним из тех, кто умел сражаться, правда, не мечом, а своими

¹Тихо Браге (1546—1601) — датский астроном.

знаниями: он стремился проложить путь к звёздам! Бойцом был и сын старого резчика по дереву, такого же, как я; мы видели его своими глазами, — широкоплечего, седого; а имя его знают во всех странах мира. Вот это настоящий ваятель, не чета мне. Да, Хольгер-Датчанин мо-

жет появиться в разных образах и прославить Данию на весь мир! Выпьем же за здоровье Бертеля Торвальдсена!¹

¹Торвальдсен (1770—1844) — датский скульптор.

Маленький мальчик ясно видел во сне древний Кронборг на берегу Эресунда и самого Хольгера-Датчанина: он сидит в тёмном подвале за мраморным столом, к которому приросла его борода, и видит во сне всё, что происходит в Дании; видит эту маленькую бедную комнату, в которой сидит резчик, и слышит весь разговор её обитателей. Он кивает головой и говорит:

— Помни обо мне, датский народ, храни меня в своём сердце! В трудный для родины час я явлюсь!

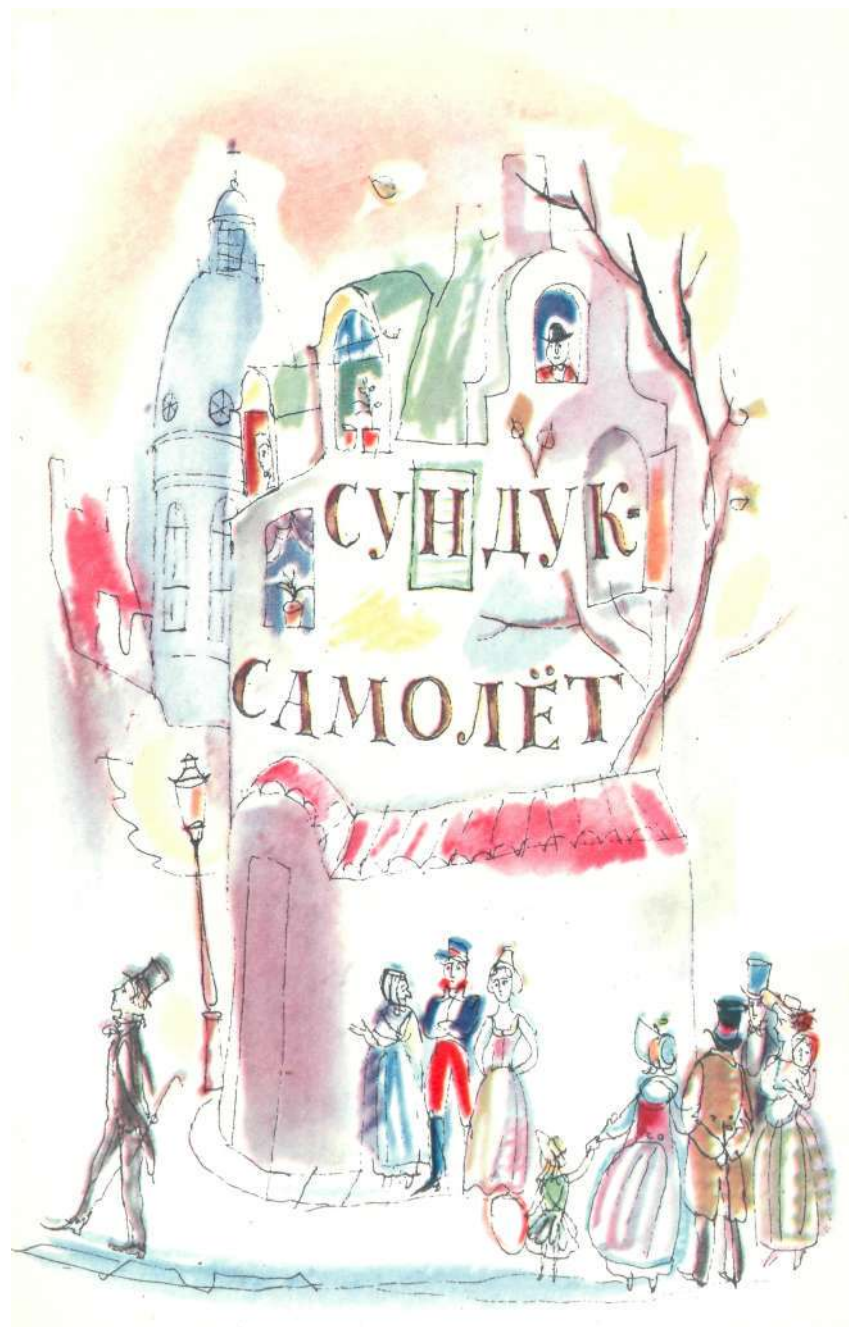

Над Кронборгом ярко светило солнце, и ветер доносил сюда из Швеции звуки охотничьего рога. Мимо Кронборга плыли корабли, и пушки приветствовали их залпами — бум-бум, а с берега им тоже отвечали — бум-бум; но громкие выстрелы не заставили Хольгера-Датчанина проснуться, ведь они означали лишь приветствия: «добрый день» и «большое спасибо».

Но могут прозвучать и такие выстрелы, которые разбудят Хольгера-Датчанина, — тогда он непременно проснётся и покажет себя.

Жил-был купец, да такой богатый, что мог бы вымостить серебряными деньгами целую улицу и ещё переулок в придачу. Однако он этого не делал, — иначе расходовал свои деньги, — и уж если тратил скиллинг¹, то наживал

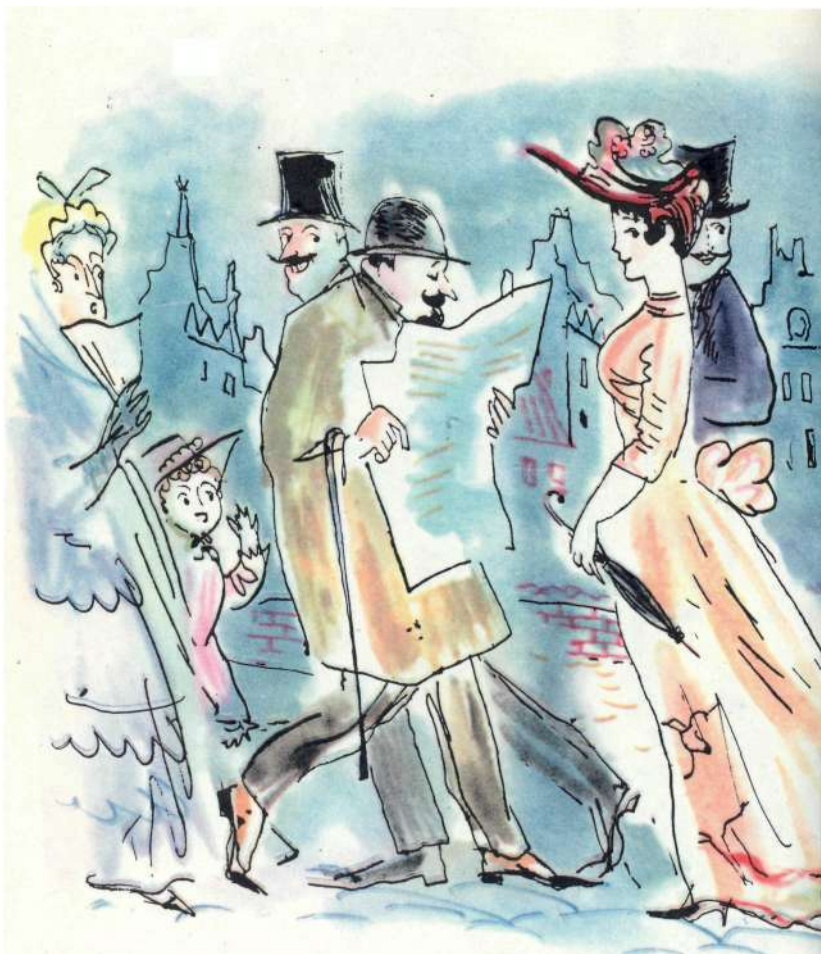
¹ Скиллинг — мелкая медная монета. (Дат.)

целый далер¹. Вот какой это был купец! И вдруг он умер.

¹ Далер — крупная серебряная монета. (Дат.)

Все скопленные им деньги достались его сыну, а тот зажил весело: каждую ночь он ездил на маскарад, запускал змеев, склеенных из кредитных бумажек, пускал круги по воде не

камешками, а золотыми монетами. Немудрено, что денежки быстро проскочили у него между пальцами; и, наконец, из всего полученного им наследства осталось только четыре скиллинга, а

из платья — старый халат да туфли-шлёпанцы. Теперь друзья и знать его не хотели, стеснялись даже показываться с ним на улице. Только один из них, человек добрый, прислал ему

старый сундук и сказал: «Складывай сюда свои пожитки!»

Это бы хорошо, да вот пожиток-то у него больше не осталось, так что он уселся в сундук сам.

А сундук был не простой: стоило только нажать на его замок, и сундук взвивался в воздух. Купеческий сын так и сделал: нажал, и — фьють! — сундук вылетел с ним в трубу и понёсся высоко-высоко над облаками, только дно

И вот купеческий сын прилетел в Турцию, зарыл свой сундук в лесу, в куче сухих листьев, а сам отправился в город, — в Турции стесняться было не нужно, там ведь все ходят в халатах

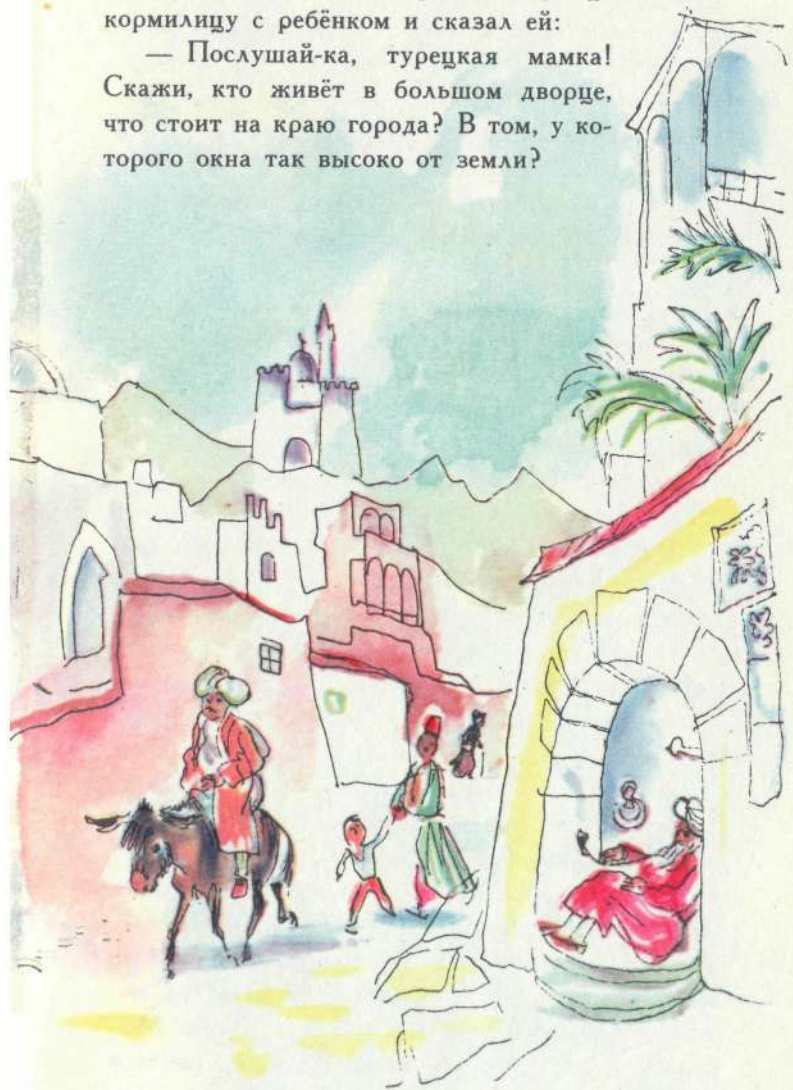
потрескивало! Купеческий сын поэтому очень побаивался, как бы сундук не разлетелся на куски, — ну и прыжок пришлось бы ему тогда сделать! Боже упаси от такого прыжка!

и туфлях. Вскоре он встретил на улице кормилицу с ребёнком и сказал ей:

— Послушай-ка, турецкая мамка! Скажи, кто живёт в большом дворце, что стоит на краю города? В том, у которого окна так высоко от земли?

— Там живёт принцесса, — ответила кормилица. — Ей предсказано, что она будет очень несчастной по милости своего жениха. Вот никто и не смеет бывать у неё иначе, как в присутствии самого короля и королевы.

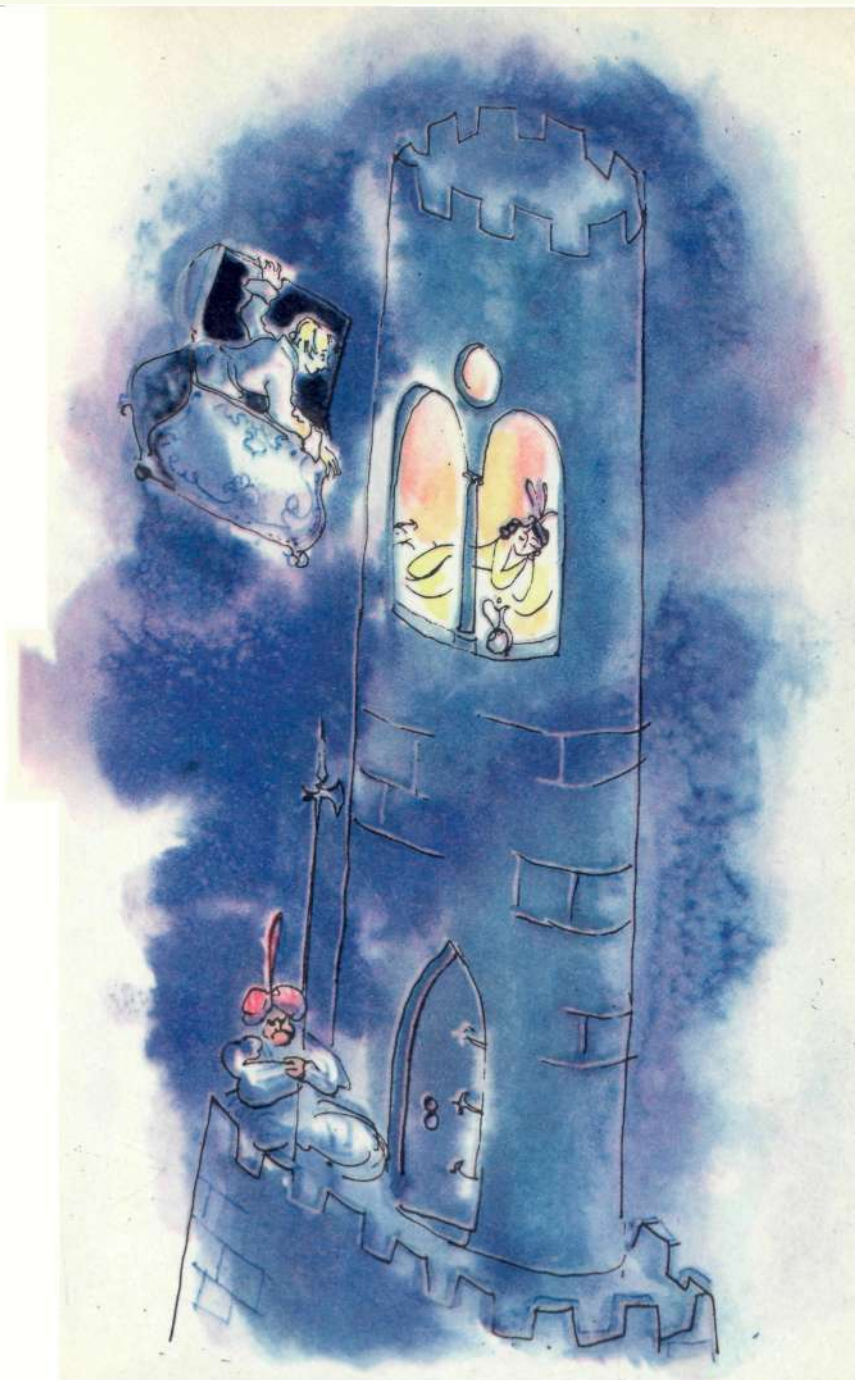
— Спасибо! — сказал купеческий сын, потом вернулся в лес, сел в свой сундук, полетел, опустился прямо на крышу дворца и влез к принцессе в окно.

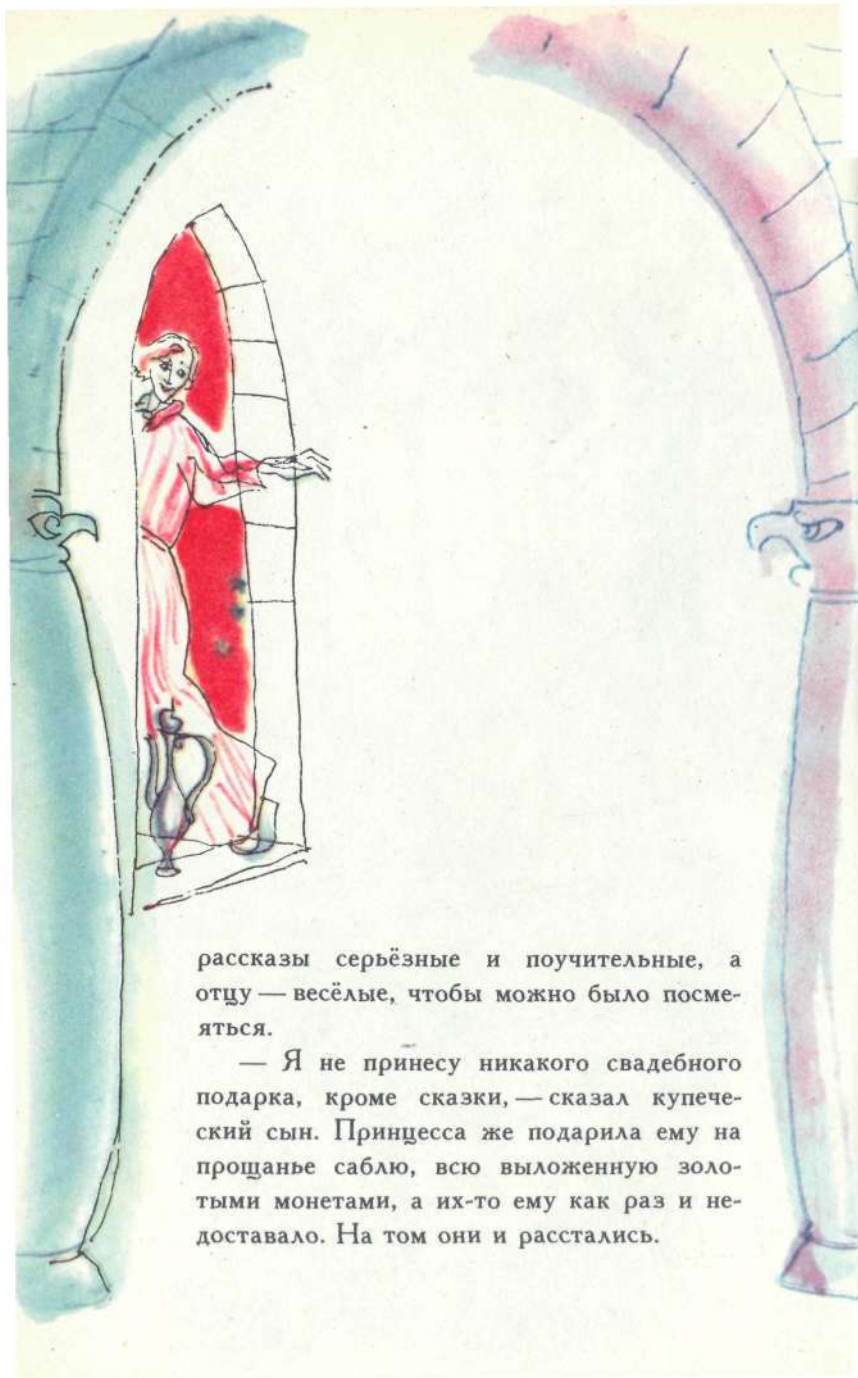
Принцесса спала на диване, и была она такая красивая, что купеческий сын не утерпел и поцеловал её. Она проснулась и, увидев незнакомца, очень испугалась. Но купеческий сын сказал, что он турецкий бог и прилетел к ней по воздуху; и ей это очень понравилось.

Они уселись рядышком, и он принялся рассказывать ей сказки. Рассказывал про её глаза: это-де два дивных тёмных озера, а в них плавают русалочки-мысли; рассказывал про её белый лоб: это-де снежная гора, а в ней таятся прекрасные залы и картины; рассказывал, наконец, про анста, что приносит людям маленьких деток.

Да, чудесные были сказки! А потом он сделал ей предложение, и принцесса сразу согласилась выйти за него замуж.

— Приходите сюда в субботу! — сказала она ему. — Ко мне придут на чашку чая король с королевой. Они будут очень польщены тем, что я выхожу замуж за турецкого бога, а вы уж постарайтесь рассказать им сказку получше. Мои родители очень любят сказки. Матери нравятся

рассказы серьёзные и поучительные, а отцу — весёлые, чтобы можно было посмеяться.

— Я не принесу никакого свадебного подарка, кроме сказки, — сказал купеческий сын. Принцесса же подарила ему на прощанье саблю, всю выложенную золотыми монетами, а их-то ему как раз и не доставало. На том они и расстались.

Купеческий сын улетел, купил себе новый халат, а затем уселся в лесу сочинять сказку, —

она была нужна ему к субботе; а сочинять сказки — это не так просто, как кажется.

Но вот сказка была готова, и настала суббота. Король с королевой и весь двор собрались

у принцессы. Приготовили чай и купеческого сына приняли как нельзя лучше.

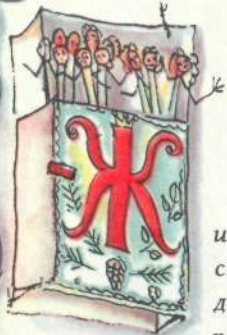

— Ну-ка, расскажите нам сказку! — попросила его королева. — Только что-нибудь серьёзное и поучительное.

— Но чтоб и посмеяться можно было, — добавил король.

— Хорошо, — отозвался купеческий сын. — Так слушайте внимательно. И начал рассказывать:

ила-была пачка серных спичек. Они очень гордились своим высоким происхождением: ведь их родовое дерево — сосна, от которой все они родились, — было одним из самых крупных и старых деревьев в лесу. Теперь спички лежали на полке между огнивом и ветхим железным котелком и рассказывали соседям о своей юности.

— Да, хорошо нам жилось, когда мы были молоды-зелены (мы ведь когда-то и в самом деле были зелёными!), — говорили они. — Каждое утро и каждый вечер мы пили алмазный чай — то есть росу; в ясную погоду на нас день-деньской светило солнышко, а птички рассказывали нам сказки. Мы отлично понимали, что принадлежим к богатой семье: лиственные де-

ревя были одеты только летом, а у нас хватало средств и зимою носить зелёную одежду. Но вот раз явились дровосеки и произвели великий переворот. Семья наша разбрелась по всему свету. Глава семьи — ствол — получил место грот-мачты на великольном корабле и мог бы совершить кругосветное путешествие, когда бы только ни захотел; ветви разбрелись кто куда; а нам выпало на долю служить светочами для толпы. Вот почему мы, высокородные, очутились на кухне.

— Ну, у меня судьба иная! — сказал котелок, рядом с которым лежали спички. — Меня с самого рождения беспрестанно чистят, скребут, ставят на огонь. Я делаю важное дело и, говоря откровенно, занимаю здесь в доме первое место. Единственное моё развлечение — это ле-

жать чистеньким на полке после обеда и вести приятную беседу с друзьями. Все мы вообще закоренелые домоседы, если не считать ведра, которое иногда бывает на дворе. А новости мы узнаём только от корзинки для провизии — она часто ходит на рынок. Но она слишком уж резко отзывается о правительстве и народе! На днях старый горшок слушал-слушал её, да так испугался, что от страха слетел с полки и разбился на куски! Вот до чего может довести праздная болтовня!

— Хватит, больно ты сам разболтался! — крикнуло вдруг огниво, и сталь его так сильно

ударил по кремню, что посыпались искры. — Не лучше ли нам устроить вечеринку?

— Нет, побеседуем о том, кто из нас всех родовитее! — сказали спички.

— А я не люблю болтать о самой себе, — проговорила глиняная миска. — Будем просто развлекаться. Начну я: расскажу какой-нибудь случай из жизни, понятный всем и каждому, — это ведь приятнее всего. Так вот: на берегу Балтийского моря, в тени датских буков...

— Чудесное начало! — перебили её тарелки. — Вот это будет история как раз по нашему вкусу.

— ... в одной мирной семье провела я свою молодость, — продолжала глиняная миска. — Мебель там полировали, пол мыли, а занавески на окнах меняли каждые две недели. — Как вы интересно рассказываете! — воскликнула метёлка. — Так может рассказывать только женщина, — от ваших слов веет какой-то особой чистоплотностью.

— Да, да! — проговорило ведро и от удовольствия даже подпрыгнуло, выплеснуло воду на пол.

Глиняная миска продолжала свой рассказ, и конец его был не хуже начала.

Тарелки гремели в восторге, а метёлка достала из ящика с песком пучок зелёной

петрушки и увенчала ею миску, она знала, что все остальные разозлятся, но подумала: «Если сегодня я увенчаю её, завтра она увенчает меня!»

— А теперь попляшем! — сказали угольные щипцы и пустились в пляс.

И, боже мой, как высоко они вскидывали то одну ногу, то другую! Старая обивка на стуле, что стоял в углу, не выдержала этого зрелища и лопнула!

— А нас увенчают? — спросили щипцы. И их тоже увенчали.

«Сплошная чернь!» — думали спички.

Настала очередь самовара, — он должен был что-нибудь спеть. Но самовар отговорился тем, что уже остыл, — а петь

он может лишь тогда, когда кипит. На самом деле он просто важничал и не хотел петь иначе, как стоя на столе у хозяев.

На окне лежало старое гусиное перо, которым обыкновенно писала служанка; в нём не было ничего замечательного, разве что его слишком глубоко макали в чернильницу, — но именно этим оно и гордилось.

— Самовар не хочет петь? И не надо! — сказала оно. — За окном в клетке

висит соловей — пусть он и споёт! Правда, он не учёный, но стоит ли об этом говорить?

— По-моему, это в высшей степени неприлично — слушать какую-то залётную птицу! — проговорил большой медный чайник, кухонный певец и сводный брат самовара. — Разве это патриотично? Пусть рассудит корзинка для провизии!

— Я просто сама не своя! — воскликнула корзинка. — Вы не поверите, до чего я выхожу из себя! Да разве так следует проводить вечера? Не лучше ли

было бы навести порядок в доме? Каждый бы тогда знал своё место, а я руководила бы всеми. Тогда дело пошло бы совсем иначе.

— Давайте шуметь! — закричали все.

Вдруг дверь отворилась,

вошла служанка, и все присмирели, никто ни гу-гу; но втайне каждый был уверен, что он знатнее прочих и чего только бы не сделал, если бы было можно! «Вот кабы за дело взялся я, вечеринка у нас удалась бы на славу!» — думал про себя каждый.

Служанка взяла спички и разожгла огонь. Боже ты мой, как они фыркнули, загораясь!

«Вот теперь все видят, что мы здесь самые важные персоны! — подумали спички. — Какой от нас блеск, сколько света!»

Но не успели они это подумать, как догорели.

— Чудесная сказка! — воскликнула королева. — Я точно сама побывала на кухне вместе со спичками. Да, ты достоин руки нашей дочери.

— Безусловно! — подтвердил король. — Свадьба будет в понедельник.

Теперь король и королева говорили молодому человеку «ты», так как он должен был войти в их семью.

Итак, день свадьбы был объявлен. Вечером в городе устроили иллюминацию, народу бросали пышки и крендели, а уличные мальчишки поднимались на цыпочки, чтобы их поймать, кричали «ура!» и свистели, засунув пальцы в рот. Великолепие было несказанное!

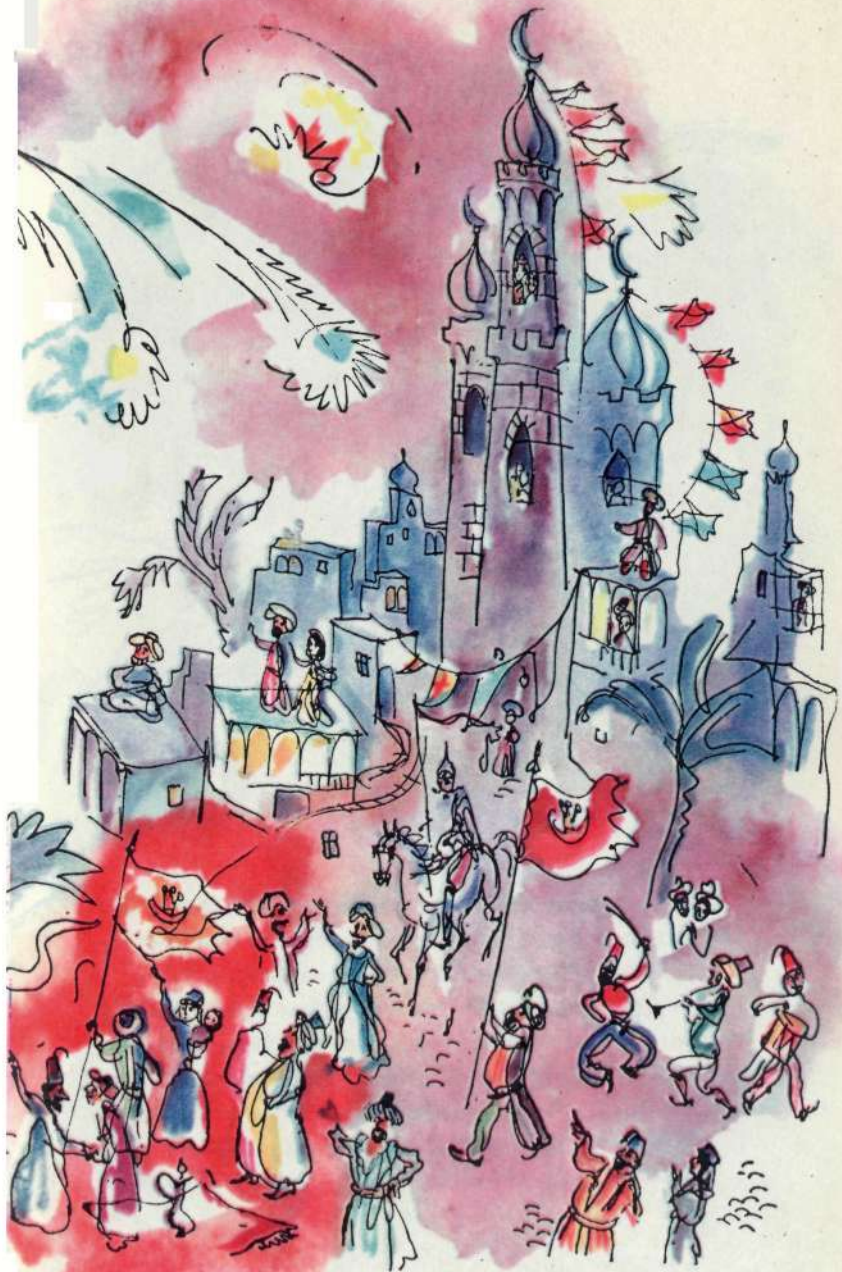
«Надо же и мне устроить что-нибудь!» — подумал купеческий сын. И вот он накупил ракет,

хлопушек и прочего, положил всё это в свой сундук и взлетел ввысь.

Пиф, паф! Пш-шшш! Ну и трескотня пошла! Ну и шипенье!

Турки подпрыгивали так, что туфли их перелетали через головы. Никогда ещё не видывали они такого фейерверка. Теперь-то все поверили, что на принцессе женится сам турецкий бог.

А купеческий сын, вернувшись со своим сундуком в лес, стал думать: «Надо пойти в город послушать, что обо мне говорят».

Да и немудрено, что ему захотелось узнать это: каких только рассказов не ходило по городу! К кому он ни обращался, каждый рассказывал о виденном по-своему, но все в один голос говорили, что зрелище было дивное.

— Я видел самого турецкого бога! — гово-

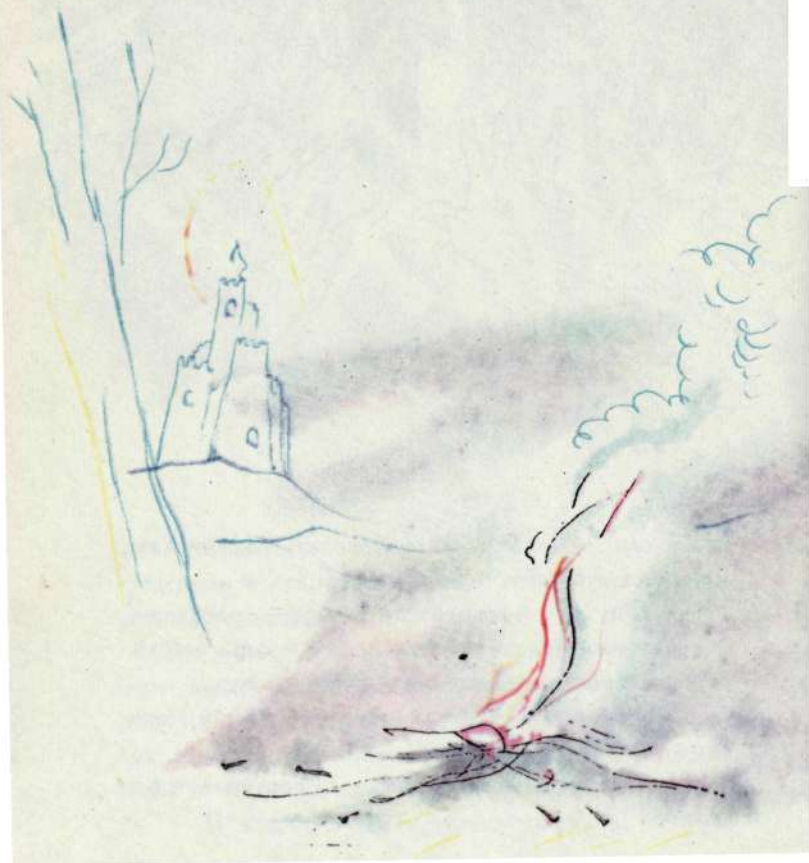
рил один. — Глаза у него блестят, как звёзды, а борода — словно пена морская!

— Он был в огненном плаще, — рассказывал другой, — а из складок этого плаща выглядывали прелестнейшие маленькие ангелы.

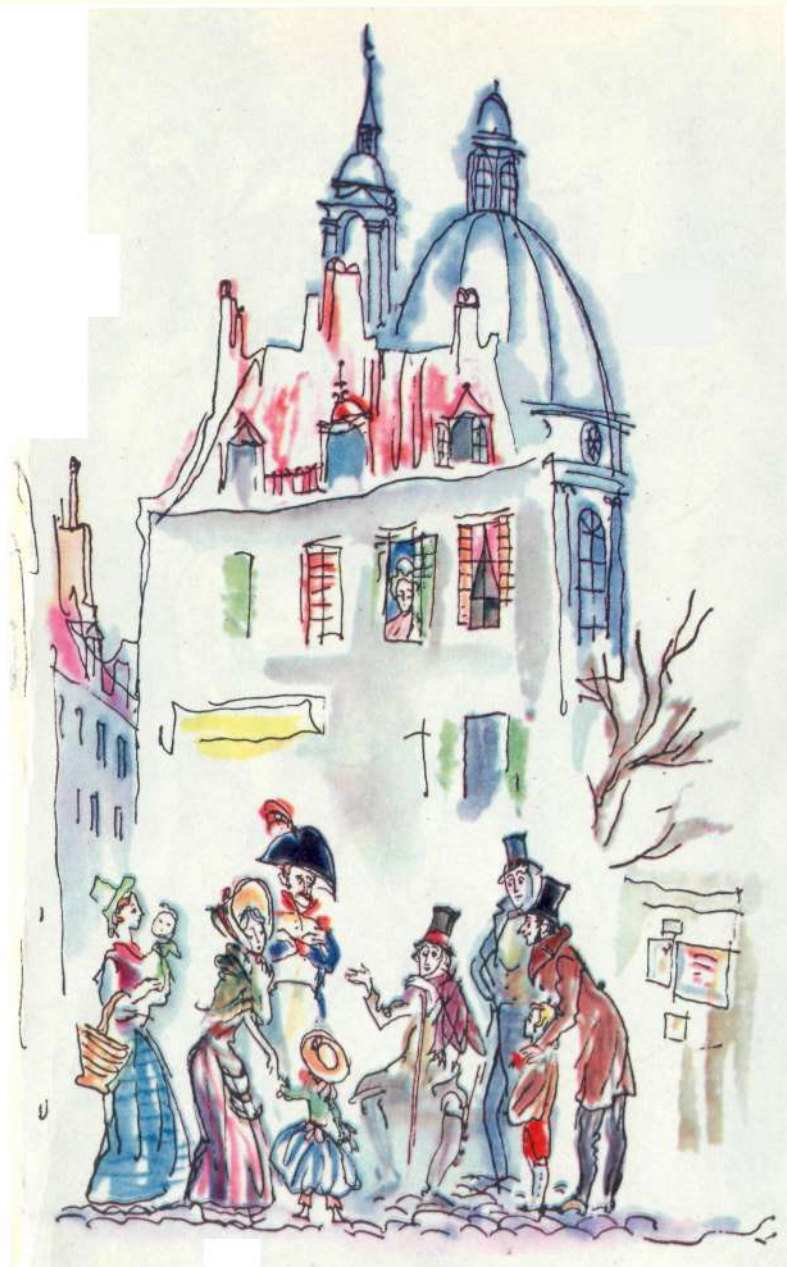
Да, о многих чудесах понаговорили купеческому сыну.

На другой день должна была состояться его свадьба.

И вот он пошёл назад в лес, чтобы опять
сесть в свой сундук. Посмотрел, а сундука нет
как нет! Куда же он девался? Сгорел! В него
попала искра от фейерверка, — вот сундук тлел-
тлел, да и вспыхнул, и осталась от него только
зола. Так и не удалось купеческому сыну опять
прилететь к своей невесте.

Она весь день стояла на крыше, всё жениха дожидалась. Ждёт и до сих пор. А он ходит по белу свету и рассказывает сказки, только уже не такие весёлые, какой была его первая сказка о серных спичках.

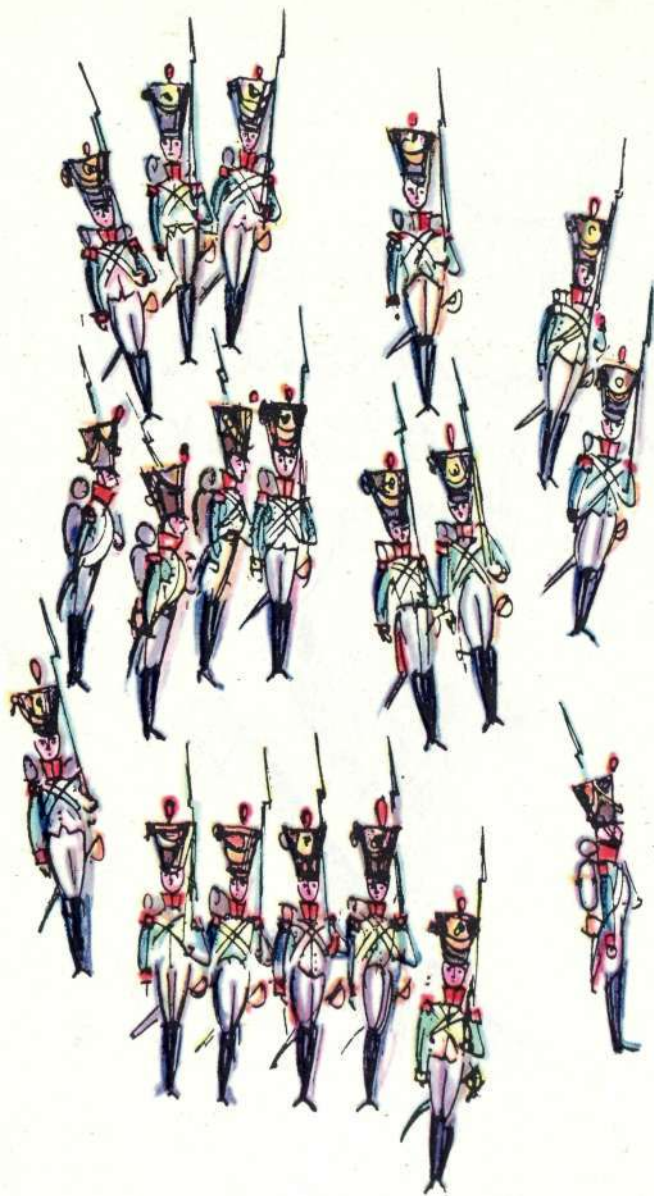

СТОЙ-
КИЙ
ОЛОВЯН-
НЫЙ
СОЛДА-
ТИК

СТОЙКИЙ
СЛОВАНСКИЙ
СОЛДАТИК

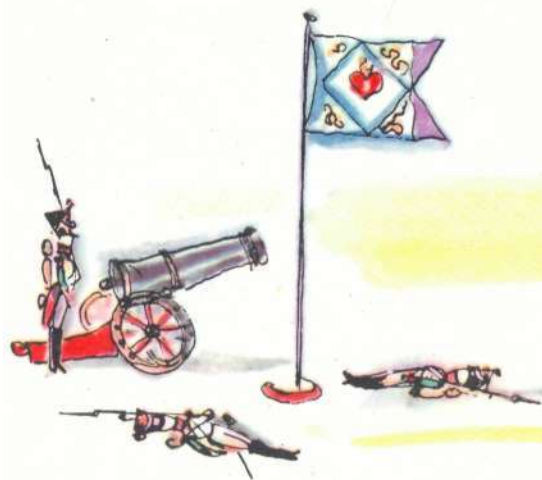

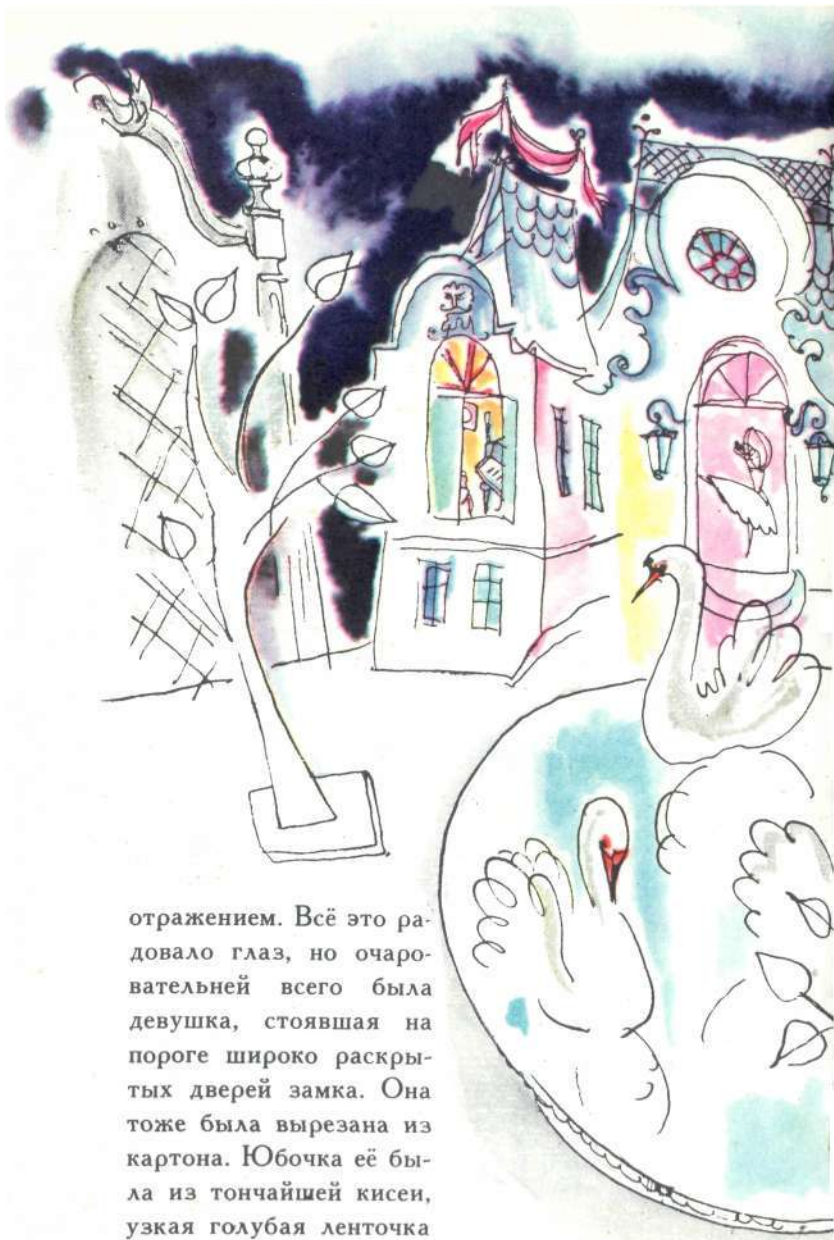
Жили-были двадцать пять оловянных солдатиков. Все они родились от одной матери — старой оловянной ложки, — а значит, приходились друг другу родными братьями. Были они красавцы писанные: мундир синий с красным, ружьё на плече, взгляд устремлён вперёд!

«Оловянные солдатiki!» — вот первое, что услышали братья, когда открылась коробка, в которой они лежали. Это крикнул маленький

мальчик и захопал в ладоши. Солдатики ему подарили в день его рождения, и он тотчас же стал расставлять их на столе. Оловянные солдатики походили друг на друга как две капли воды, и лишь один отличался от своих братьев: у него была только одна нога. Его отливали последним, и олова на него не хватило. Впрочем, он и на одной ноге стоял так же твёрдо, как другие на двух. И он-то как раз и отличился.

Мальчик расставил своих солдатиков на столе. Там было много игрушек, но красивее всех был чудесный замок из картона, сквозь его маленькие окна можно было заглянуть внутрь и увидеть комнаты. Перед замком лежало зеркальце, оно было совсем как настоящее озеро, а вокруг стояли маленькие деревья. По озеру плавали восковые лебеди и любовались своим

отражением. Всё это радовало глаз, но очаровательней всего была девушка, стоявшая на пороге широко раскрытых дверей замка. Она тоже была вырезана из картона. Юбочка её была из тончайшей кисеи, узкая голубая ленточка

спускалась с плеча к поясу. Ленточка была прикреплена сверкающей блёсткой, очень большой, — она могла бы закрыть всё личико девушки. Красавица эта была танцовщица. Она стояла на одной ножке, протянув руки вперёд, а другую ногу подняла так высоко, что оловянный солдатик не

сразу её разглядел и сначала подумал, что красotka одноногая, как и он сам.

«Вот бы мне такую жену, — подумал оловянный солдатик. — Только она, наверное, знат-

ного рода, — она живёт в замке, а я в коробке: к тому же нас там целых двадцать пять штук. Нет, в коробке ей не место, но познакомиться с ней всё же не мешает!» — и, растянувшись во всю длину, он спрятался за табакеркой, тоже стоявшей на столе. Отсюда он мог не отрываясь смотреть на хорошенькую танцовщицу, которая всё стояла на одной ножке, никогда не теряя равновесия.

Вечером всех других солдатиков уложили обратно в коробку и люди тоже легли спать.

Тогда игрушки сами стали играть в гости, потом в войну, а потом устроили бал. Оловянные солдатики завозились в коробке — им тоже за-

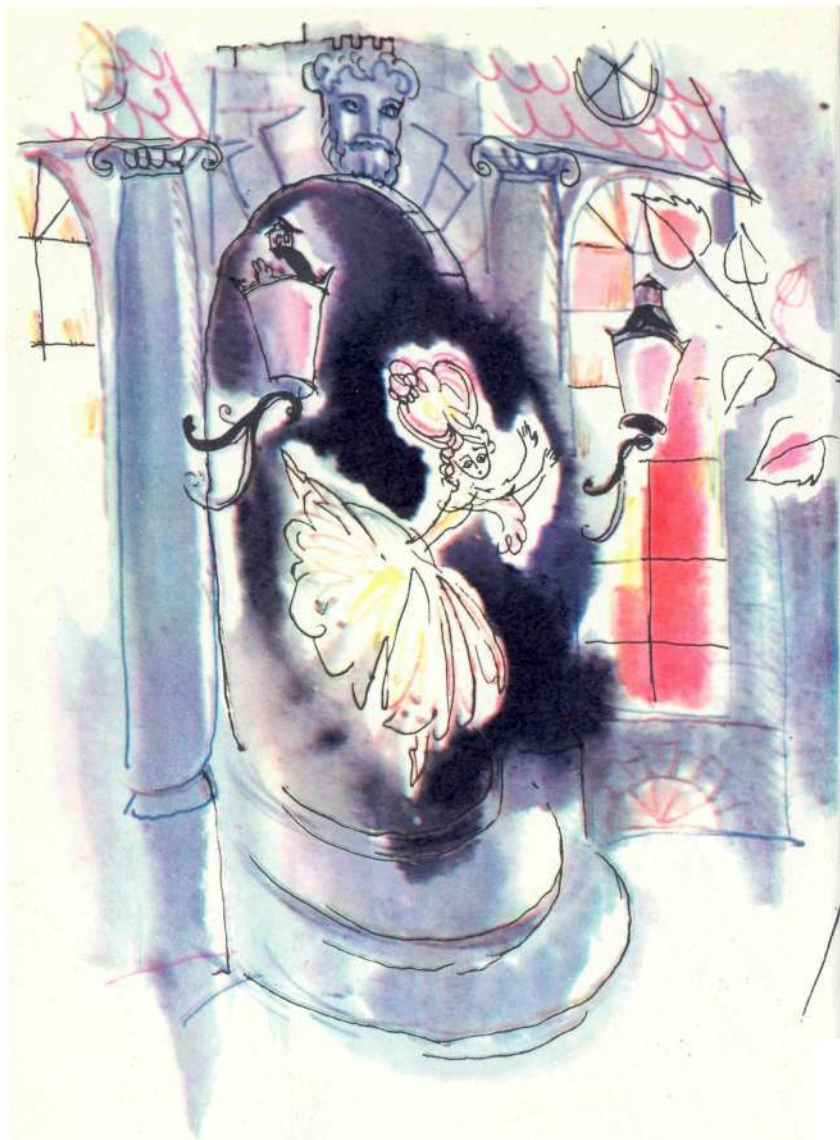

хотелось поиграть, но они не могли приподнять крышки. Щелкунчик кувыркался, а грифель пошёл плясать по аспидной доске. Поднялся такой

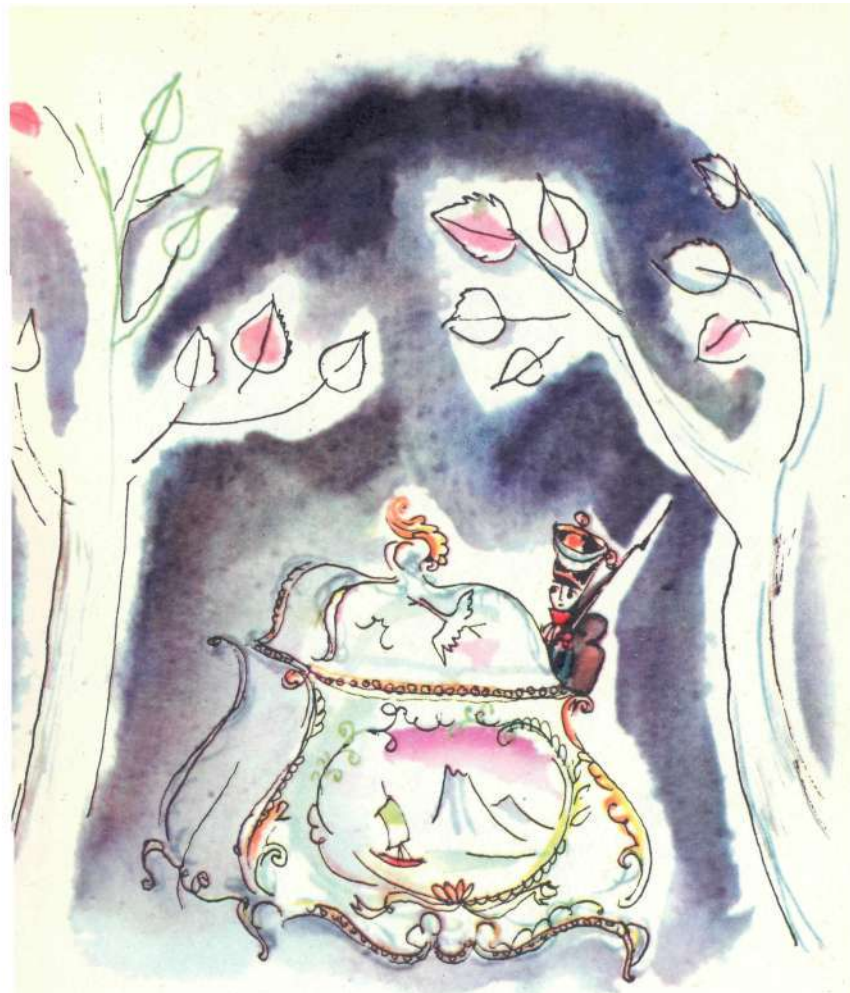

шум и гам, что проснулась канарейка и тоже заговорила, да ещё стихами! Только солдатик и танцовщица не сдвинулись с места. Она по-прежнему стояла на одной ножке, протянув руки вперед, а он застыл с ружьём на плече и ни на минуту не спускал глаз с девушки.

Пробило двенадцать. И вдруг — щёлк, щёлк!
Это раскрылась табакерка. Табака в табакерке

не было; в ней сидел маленький чёрный тролль¹,
очень искусной работы.

¹Тролль — сказочное существо. (Дат.)

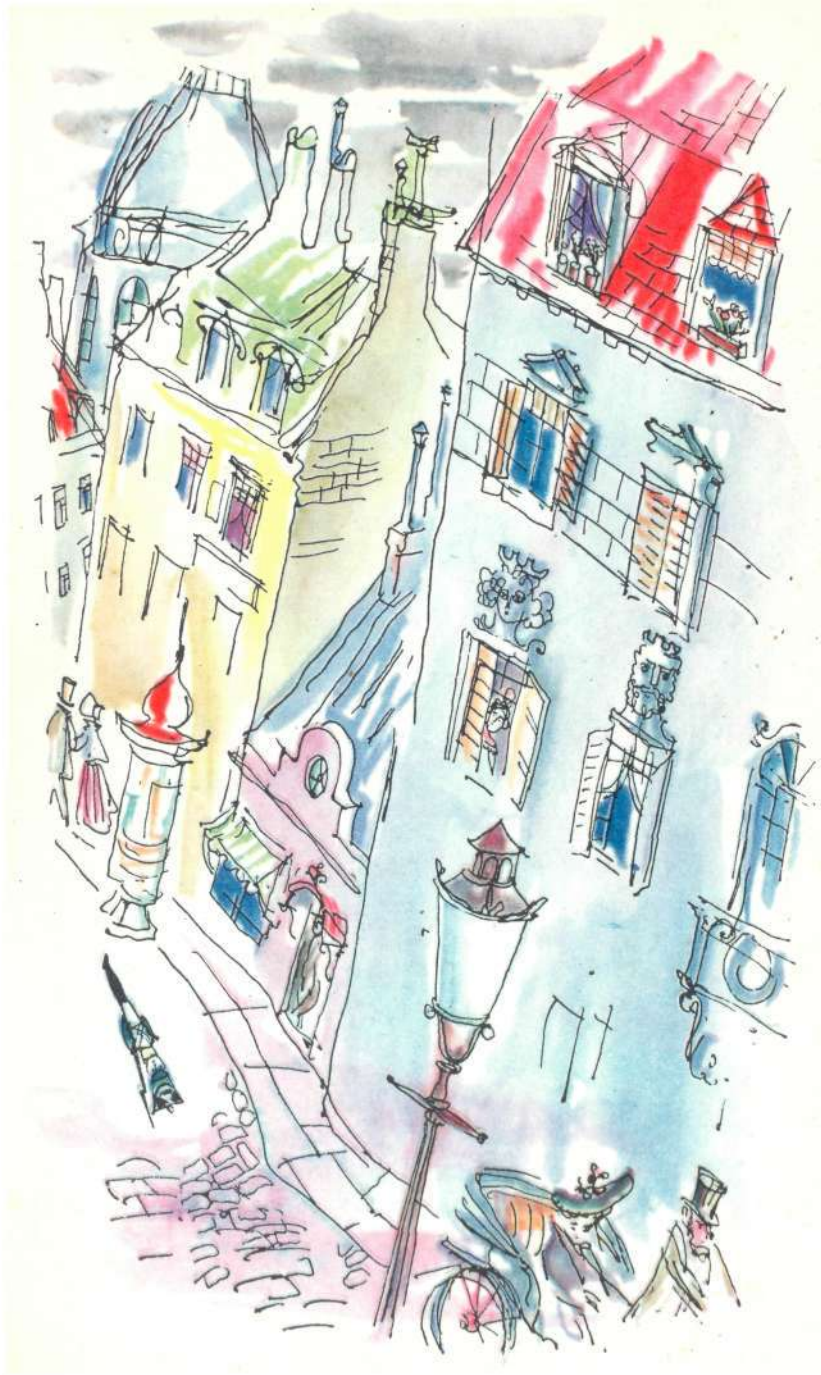
— Эй, оловянный солдатик! — крикнул тролль. — Перестань пучить глаза на плясунью, она слишком хороша для тебя!

Но оловянный солдатик сделал вид, будто ничего не слышит.

— Ну погоди! Придёт утро, увидишь! — сказал тролль.

Утром дети проснулись и переставили оловянного солдатика на окно. И тут—то ли по вине тролля, то ли по вине сквозняка—окно распахнулось и наш солдатик полетел кувырком с третьего этажа. Вот страшно-то было! Он упал на голову, а его каска и штык застряли между булыжниками,—и он так и остался стоять на голове, задрав ногу вверх.

Служанка и младший из мальчиков сейчас же выбежали на улицу искать солдата. Искали, искали, чуть было не раздавили его и всё-

таки не нашли. Крикну солдатык: «Я тут!» — они, конечно, увидели бы его, однако он считал неприличным громко кричать на улице, будучи в мундире.

Но вот пошёл дождь, и он шёл всё сильнее и сильнее и, наконец, хлынул как из ведра, а когда перестал, на улицу выбежали уличные мальчишки. Их было двое, и один из них сказал:

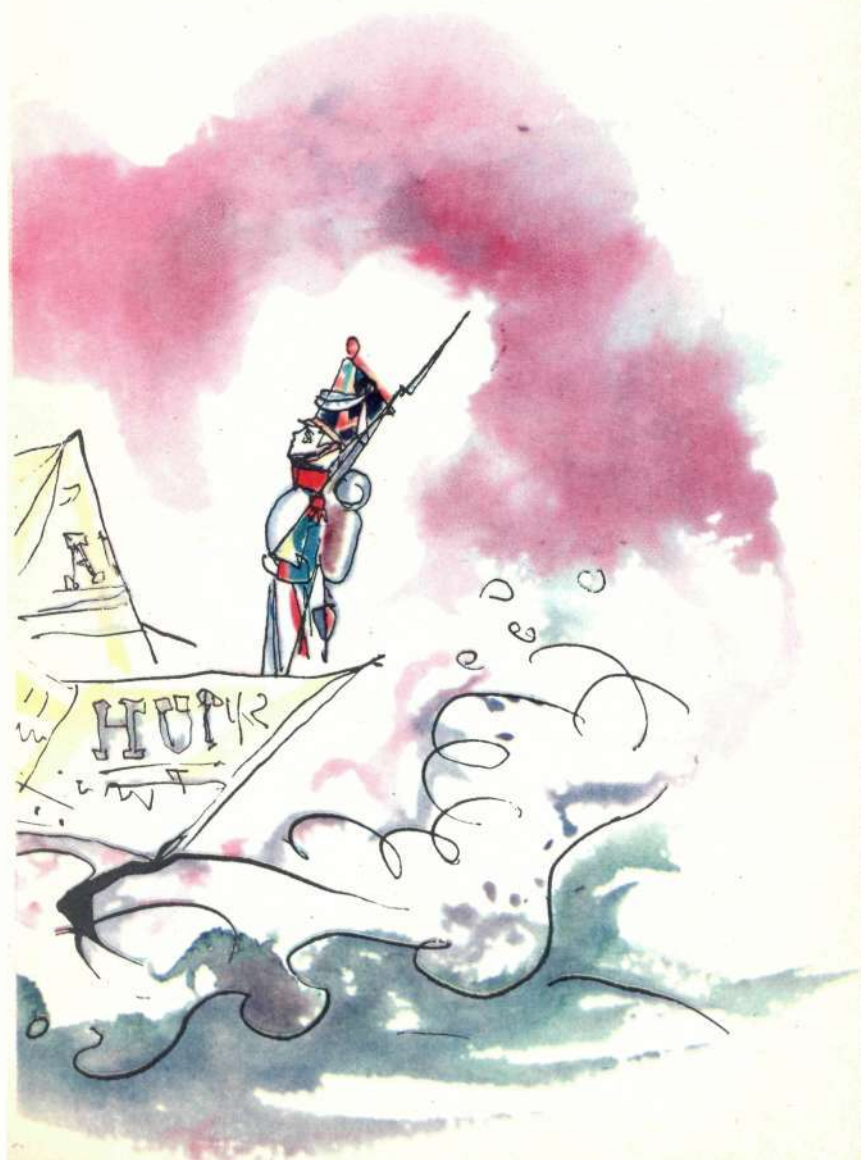
— Смотри, вон оловянный солдатик. Давай-ка отправим его в плавание!

Они сделали из газеты лодочку, поставили в неё оловянного солдатика и пустили её по водосточной канаве. Лодочка плыла, а мальчишки бежали рядом и хлопали в ладоши. Боже ты мой! Как бились волны о стенки канавки, какое сильное в ней было течение! Да и немудрено, ведь ливень был славный! Лодочка то ныряла, то взлетала на гребень волны, то верте-

лась, и оловянный солдатик вздрагивал; но он был стойкий и всё так же невозмутимо смотрел вперёд, держа ружьё на плече.

Вот лодочка подплыла под мостик, и стало так темно, что солдатику показалось, будто он снова попал в свою коробку.

«Куда ж это меня несёт? — думал он. —

Всё это проделки тролля! Вот если бы в лодочке со мной сидела маленькая танцовщица, тогда пускай бы хоть и вдвое темнее было».

В эту минуту из-под мостика выскочила большая водяная крыса, — она здесь жила.

— А паспорт у тебя есть? — крикнула крыса. — Предъяви паспорт.

Но оловянный солдатик молчал и ещё крепче прижимал к себе ружьё. Лодочка плыла всё дальше, а крыса плыла за ней. Ох, как она скрежетала зубами, крича встречным щепкам и соломинкам:

— Держите его! Держите! Он не уплатил дорожной пошлины, не предъявил паспорта!

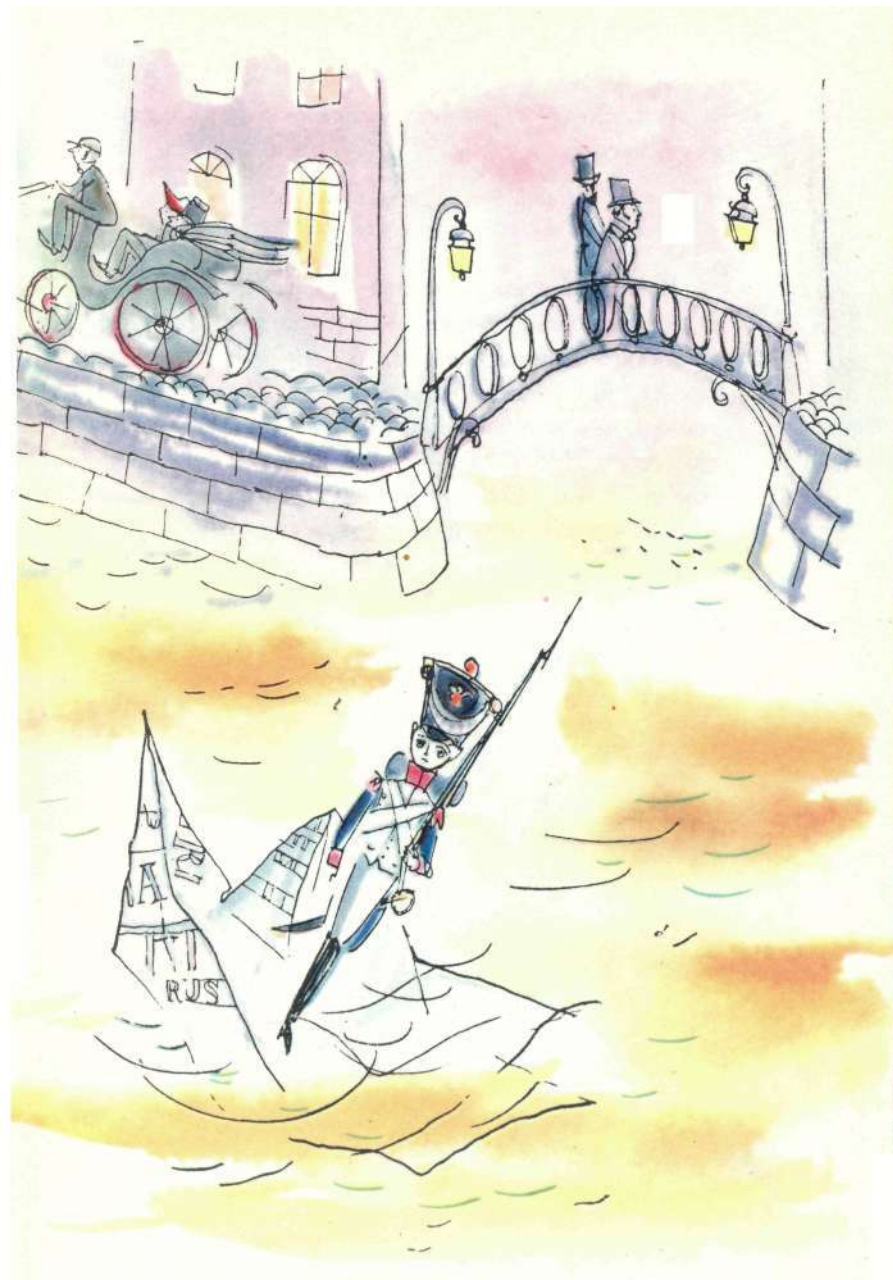
Лодочку понесло ещё быстрее, скоро она должна была выплыть из-под мостика — оловянный солдатик уже видел свет впереди, — но тут раздался грохот до того страшный, что, услышав его, любой храбрец задрожал бы от страха. Подумать только: канавка кончалась,

и вода падала с высоты в большой канал! Оловянный солдатику грозила такая же опасность, какой подверглись бы мы, если бы течение несло нас к большому водопаду.

Но вот лодка выплыла из-под мостика, и ничто уже не могло её остановить. Бедный солдатик держался всё так же стойко, даже глазом не моргнул. И вдруг лодка завертелась, потом накренилась, сразу наполнилась водой и стала тонуть. Оловянный солдатик уже стоял по шею в воде, а лодка всё больше размокала и погружалась всё глубже; теперь вода покрыла солдатика с головой. Но он думал о прелестной маленькой танцовщице, которую ему не суждено больше увидеть!

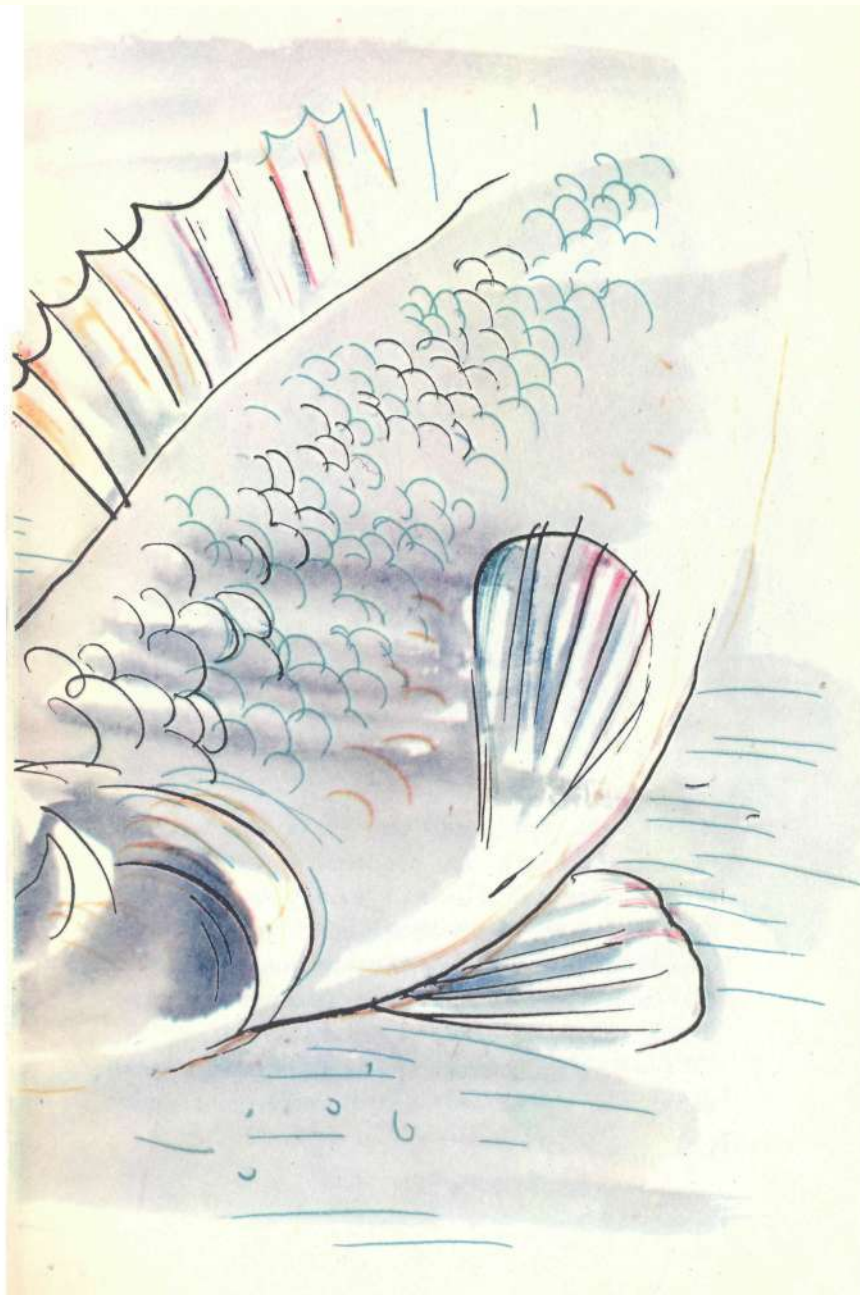
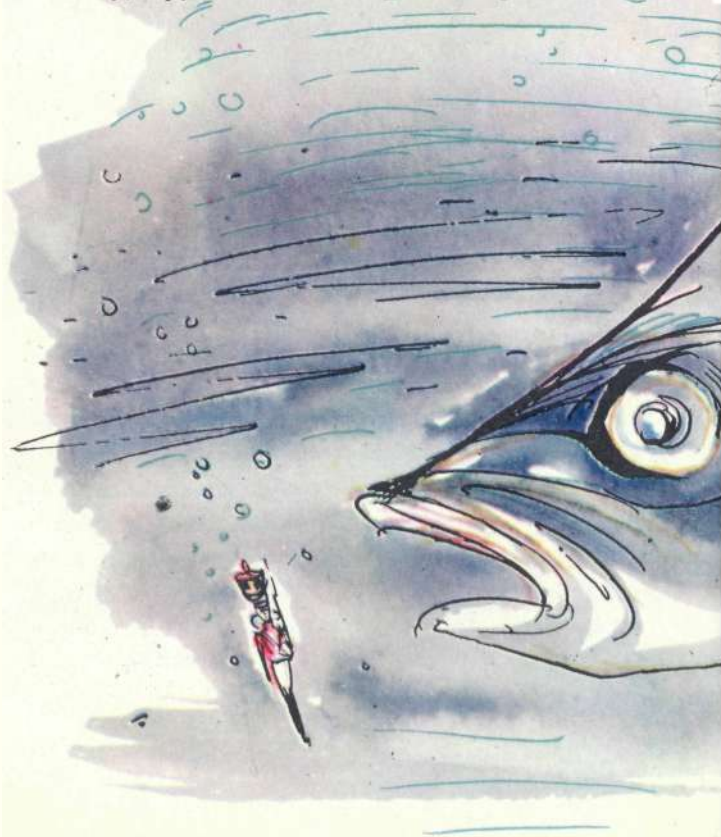

В последнюю минуту вспомнил он солдатскую песню:

*Шагай вперёд, всегда вперёд!
Тебя за гробом слава ждёт!*

Бумага совсем размокла, прорвалась, и солдатик уже стал тонуть, но в этот миг его проглотила большая рыба.

Ах, как темно было у неё в глотке! Ещё темней, чем под мостиком, и в довершение всего так тесно! Но оловянный солдатик и тут держался стойко — он лежал вытянувшись во всю длину, с ружьём на плече.

А рыба, проглотив его, стала неистово метаться, бросаясь из стороны в сторону, но вскоре затихла. Прошло некоторое время, и вдруг во тьме, окружавшей солдатика, молнией блеснуло что-то блестящее, потом стало совсем светло и кто-то громко воскликнул: «Оловянный солдатик!»

Вот что произошло: рыбу поймали и снесли на рынок, а там кто-то купил её и принёс на

кухню, где кухарка разрешила рыбу острым ножом и, увидев солдатика, взяла его двумя пальцами за талию и отнесла в комнату. Вся семья собралась поглядеть на удивительного человечка, который совершил путешествие в рыбьем брюхе, но оловянный солдатик не возгордился.

Его поставили на стол, и вот —
чего только не бывает на свете! —
солдатик снова очутился в той же
самой комнате, где жил раньше, и уви-

дел тех же знакомых ему детей. Те же игрушки
по-прежнему стояли на столе, в том числе и
чудесный замок с прелестной маленькой танцов-
щицей. Она всё так же прямо держалась на
одной ножке, высоко подняв другую, — ведь она
тоже была стойкая! Всё это так растрогало
оловянного солдатика, что из глаз его чуть

не покатались оловянные слёзы. Но солдату плакать не полагается, и он только посмотрел на танцовщицу, — а она на него. Но ни он, ни она ни слова не вымолвили.

Вдруг один из малышей схватил солдатика и швырнул его прямо в печку — неизвестно зачем; должно быть, его подучил злой тролль, сидевший в табакерке.

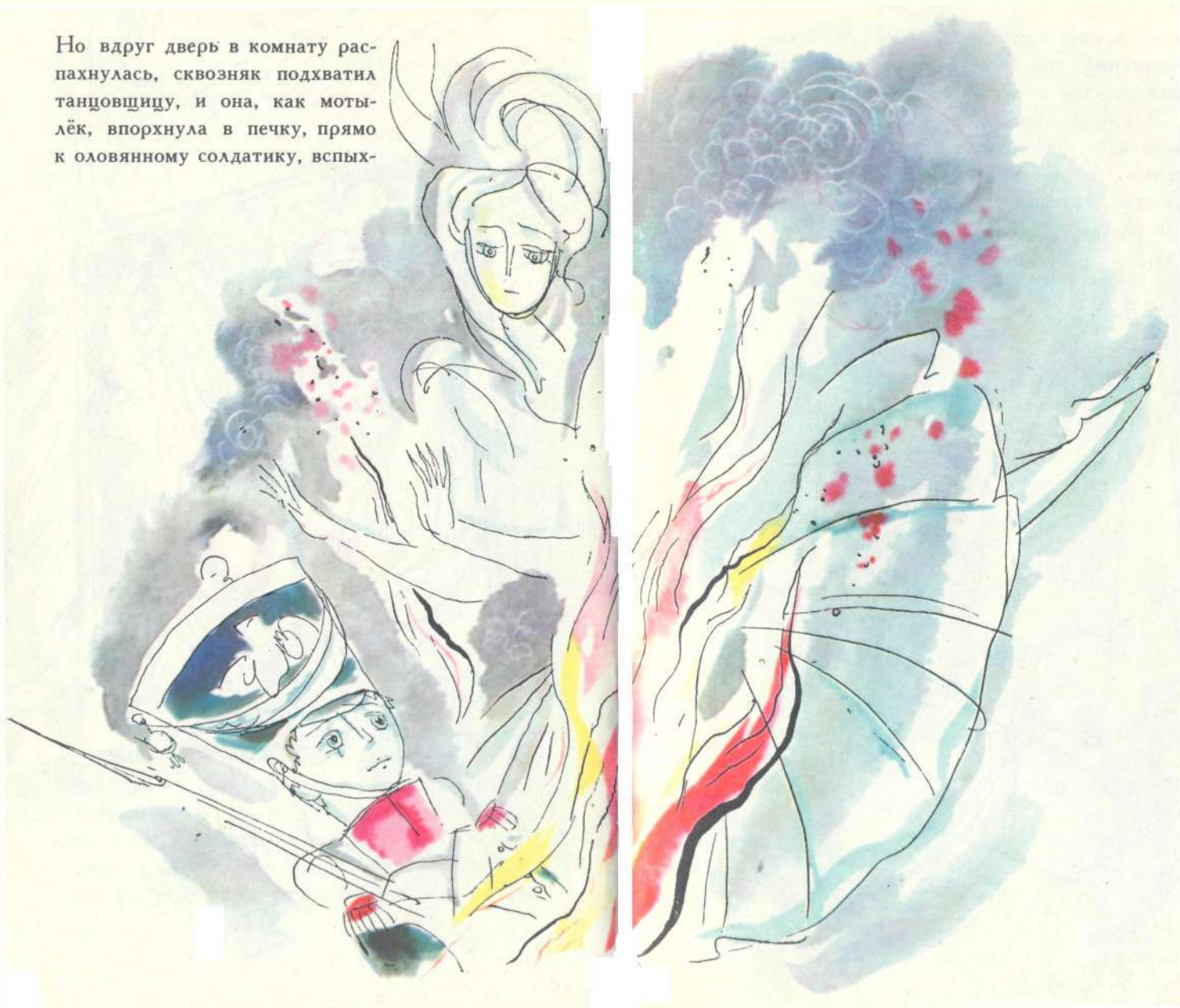

Теперь солдатик стоял в топке, освещённый ярким пламенем, и было ему нестерпимо жарко; он чувствовал, что весь горит, — но что сжигало его — пламя или любовь, этого он и сам не знал. Краски на нём полиняли, — но было ли то от горя, или же они сошли ещё во время его путешествия, этого тоже никто не знал. Он не сводил глаз с маленькой танцовщицы, она тоже смотрела на него, и он чувствовал, что тает, однако всё ещё стоял прямо, с ружьём на плече.

Но вдруг дверь в комнату распахнулась, сквозняк подхватил танцовщицу, и она, как мотылёк, впорхнула в печку, прямо к оловянному солдатику, вспых-

нула ярким пламенем — и её не стало. Тут оловянный солдатик совсем расплавился. От него остался только крошечный кусочек олова.

На следующий день, когда служанка выгребала золу, она нашла в топке оловянное сердечко. А от танцовщицы осталась только блёстка. Но она уже не сверкала — почернела как уголь.

ДЕВОЧКА
СО
СПИЧКАМИ

ДЕВОЧКА
СО СПИЧКАМИ

Как холодно было в этот вечер! Шёл снег, и сумерки сгущались. А вечер был последний в году — канун Нового года. В эту холодную и тёмную пору по улице брела маленькая нищая девочка с непокрытой головой и босая. Правда, из дому она вышла обутая, но много ли было проку в огромных старых туфлях? Туфли эти прежде носила её мать, — вот какие они были большие, — и девочка потеряла их сегодня,

когда бросилась бежать через дорогу, испугавшись двух карет, которые мчались во весь опор. Одной туфли она так и не нашла, другую утащил какой-то мальчишка, заявив, что из неё выйдет отличная люлька для его будущих ребят.

Вот девочка и брела теперь босиком, и нож-

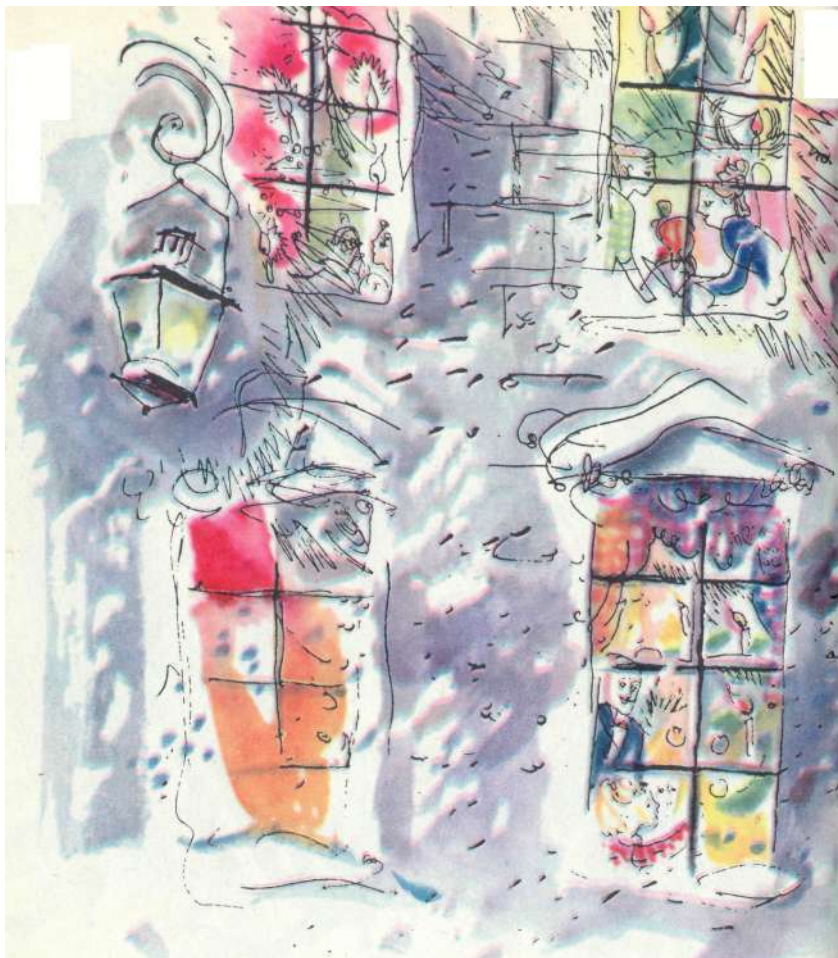
ки её покраснели и посинели от холода. В карманах её старенького передника лежало несколько пачек серных спичек, а одну пачку она

держала в руке. За весь этот день она не продала ни одной спички, и ей не подали ни гроша. Она брела голодная и продрогшая и так измучилась, бедняжка!

Снежинки садились на её длинные белокурые локоны, красиво рассыпавшиеся по плечам, но она, право же, и не подозревала о том, что они красивы. Из всех окон лился свет, на

улице вкусно пахло жареным гусем, — ведь был канун Нового года. Вот о чём она думала!

Наконец девочка нашла уголок за выступом дома. Тут она села и съёжилась, поджав под себя ножки. Но ей стало ещё холоднее, а вер-

нуться домой она не смела: ей ведь не удалось продать ни одной спички, она не выручила ни гроша, а она знала, что за это отец прибьёт её; к тому же, думала она, дома тоже

холодно; они живут на чердаке, где гуляет ветер, хотя самые большие щели в стенах и заткнуты соломой и тряпками.

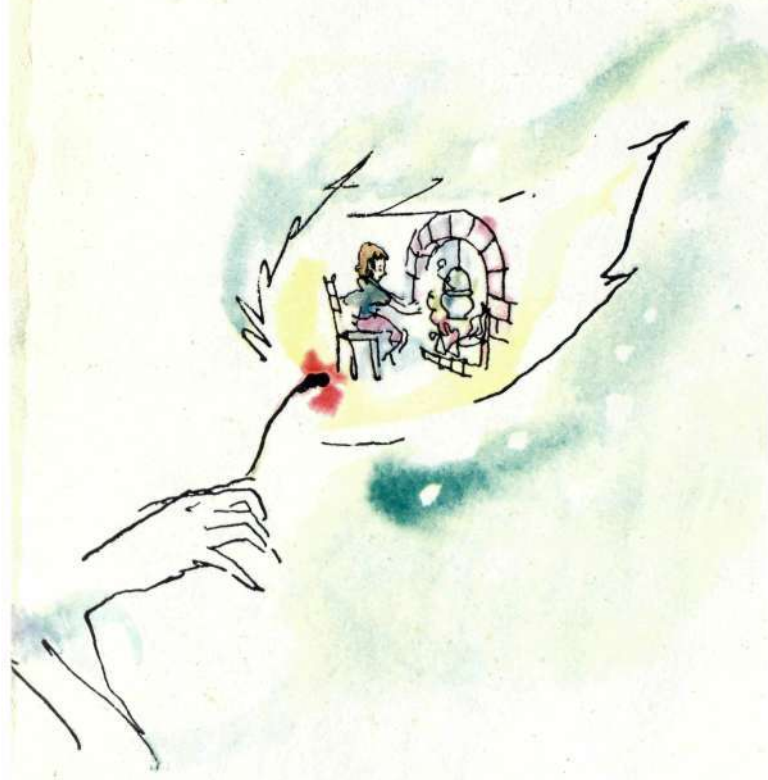
Ручонки её совсем заколели. Ах, как бы их согрел огонёк маленькой спички! Если бы только она посмела вытащить спичку, чиркнуть ею о стену и погреть пальцы! Девочка робко вытянула одну спичку и... чирк! Как спичка

вспыхнула, как ярко она загорелась! Девочка прикрыла её рукой, и спичка стала гореть ровным светлым пламенем, точно крохотная свечечка.

Удивительная свечка! Девочке почудилось, будто она сидит перед большой железной печью с блестящими медными шариками и заслонками. Как славно пылает в ней огонь, каким теплом от него веет! Но что это? Девочка протянула было ноги к огню, чтобы погреть их, — и вдруг... пламя погасло, печка исчезла, а в руках у девочки осталась обгорелая спичка.

Она чиркнула ещё одной спичкой, спичка загорелась, засветилась, и, когда её отблеск упал на стену, стена стала прозрачной, как кисея. Девочка увидела перед собой комнату, а в ней стол, покрытый белоснежной скатертью и устав-

ленный дорогим фарфором; на столе, распространяя чудесный аромат, стояло блюдо с жареным гусем, начиненным черносливом и яблоками! И всего чудеснее было то, что гусь вдруг прыгнул со стола и, как был, с вилкой и ножом

в спине, вперевалку заковылял по полу. Он шёл
прямо к бедной девочке, но... спичка погасла,
и перед бедняжкой снова встала непроницаемая,
холодная, сырая стена.

Девочка зажгла ещё одну спичку. Теперь она сидела перед роскошной рождественской ёлкой. Эта ёлка была гораздо выше и наряднее той, которую девочка увидела в сочельник, подойдя к дому одного богатого купца и заглянув в окно. Тысячи свечей горели на её зелёных ветках, а разноцветные картинки, какими украшают витрины магазинов, смотрели на девочку. Малютка протянула к ним руки, но... спичка погасла. Огоньки стали уходить всё выше и выше и вскоре превратились в ясные звёздочки. Одна из них покатиась по небу, оставив за собой длинный огненный след...

Девочка снова чиркнула о стену спичкой и, когда всё вокруг осветилось, увидела в этом сиянии свою старенькую бабушку, такую тихую и просветлённую, такую добрую и ласковую.

— Бабушка, — воскликнула девочка, — возьми, возьми меня к себе! Я знаю, что ты уйдёшь, когда погаснет спичка, исчезнешь, как тёплая печка, как вкусный жареный гусь и чудесная большая ёлка!

И она торопливо чиркнула всеми спичками, оставшимися в пачке, — вот как ей хотелось удержать бабушку! И спички вспыхнули так

ослепительно, что стало светлее, чем днём. Бабушка при жизни никогда не была такой красивой, такой величавой. Она взяла девочку

на руки, и, озарённые светом и радостью, обе
они вознеслись высоко-высоко — туда, где нет
ни голода, ни холода, ни страха...

Морозным утром за выступом дома нашли девочку: на щёчках её играл румянец, на гу-

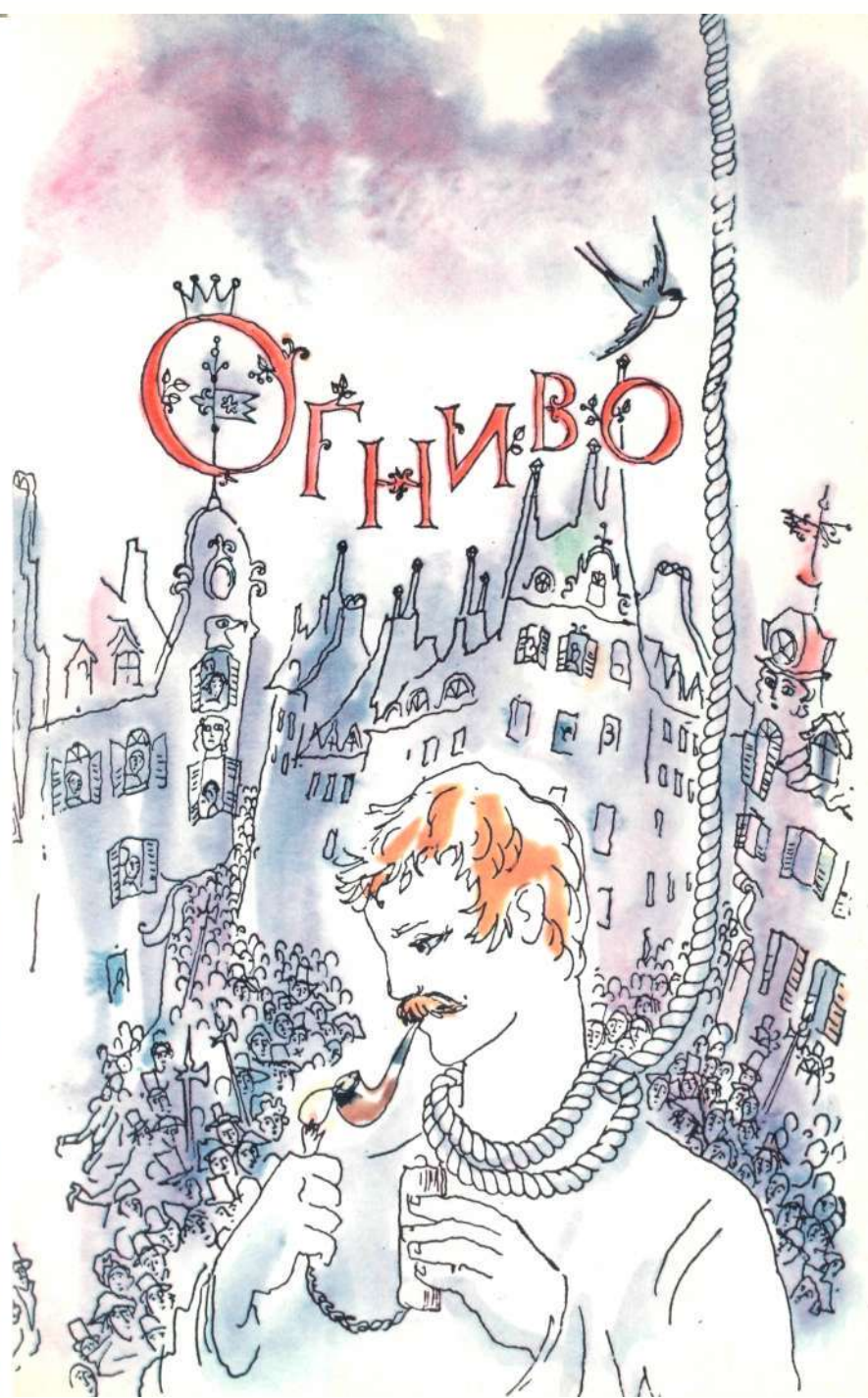
бах — улыбка, но она была мертва; она замёрзла в последний вечер старого года. Новогоднее

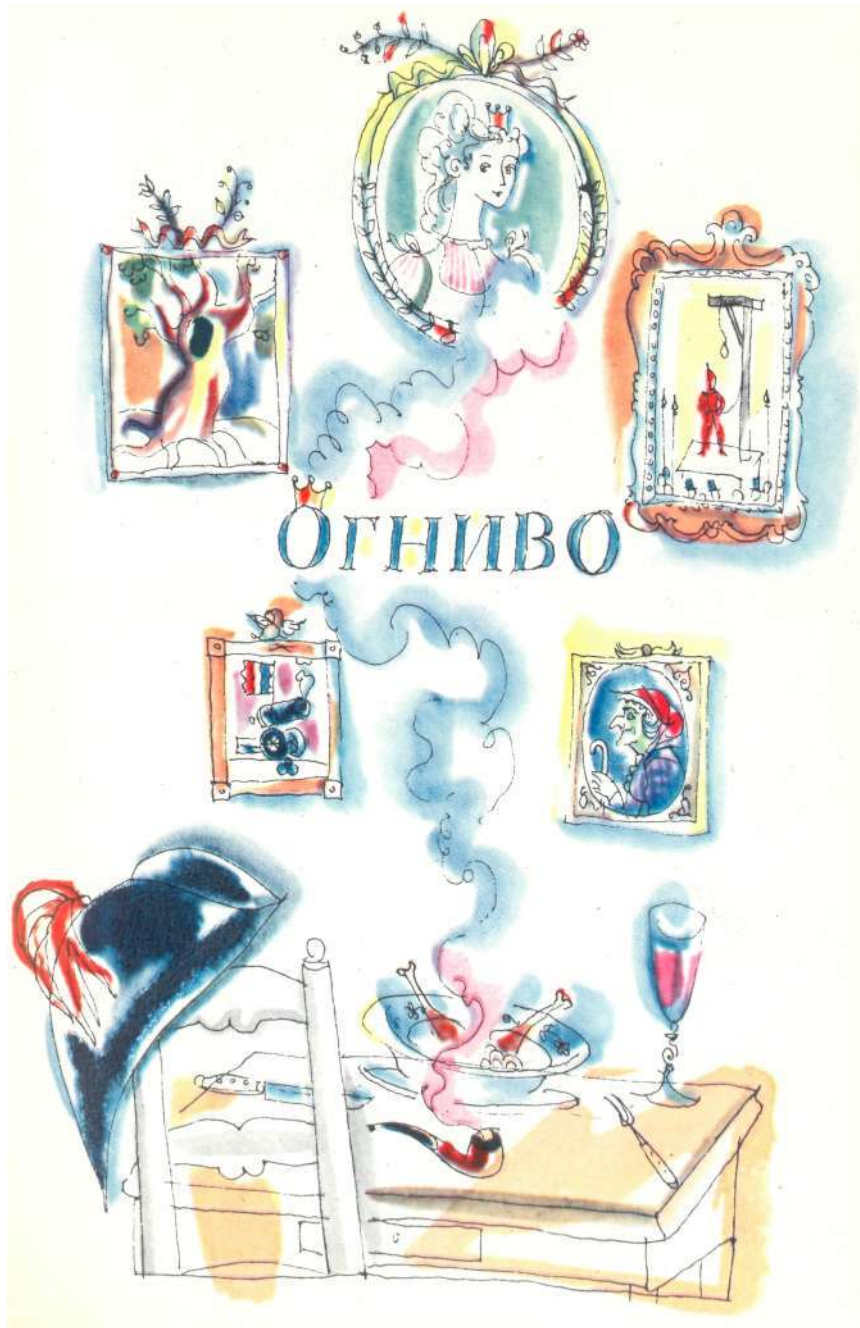
солнце осветило мёртвое тельце девочки со спичками; она сожгла почти целую пачку.

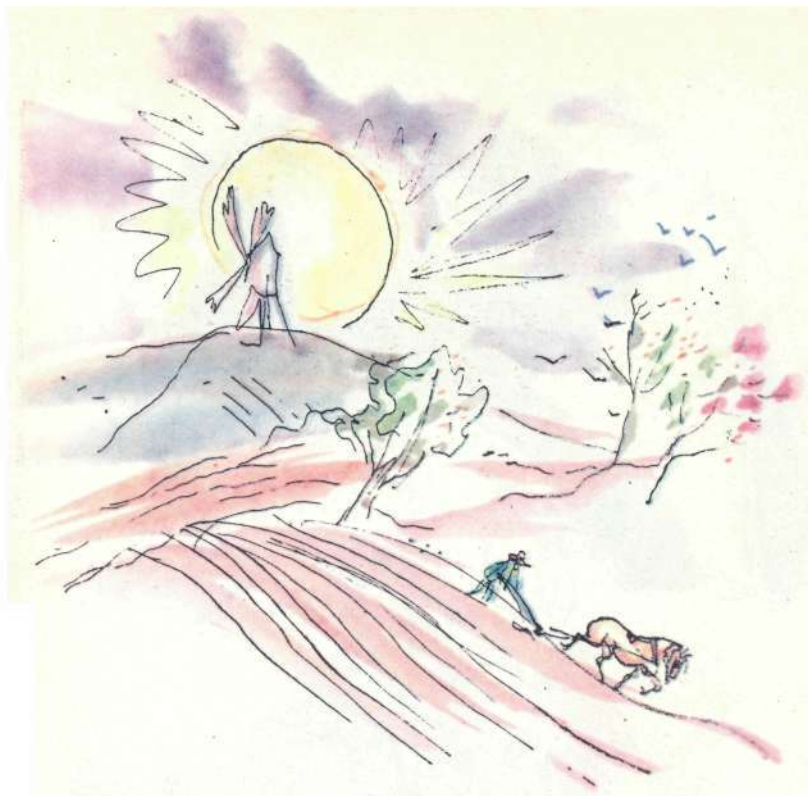
— Девочка хотела погреться, — говорили люди. . .

И никто не знал, какие чудеса она видела, среди какой красоты они вместе с бабушкой встретили Новогоднее Счастье.

Шёл солдат по дороге: раз-два! раз-два!
Ранец за спиной, сабля на боку. Шёл он домой
с войны. По дороге встретилась ему старая
ведьма, безобразная, противная: нижняя губа
отвисла у неё до самой груди.

— Здорово, служивый! — прошамкала она. —
Ишь какая у тебя славная сабля! А ранец-то
какой большой! Вот brave солдат! Ну, сейчас
я тебе отваяю денег, сколько твоей душе угодно.

— Спасибо тебе, старая ведьма! — сказал
солдат.

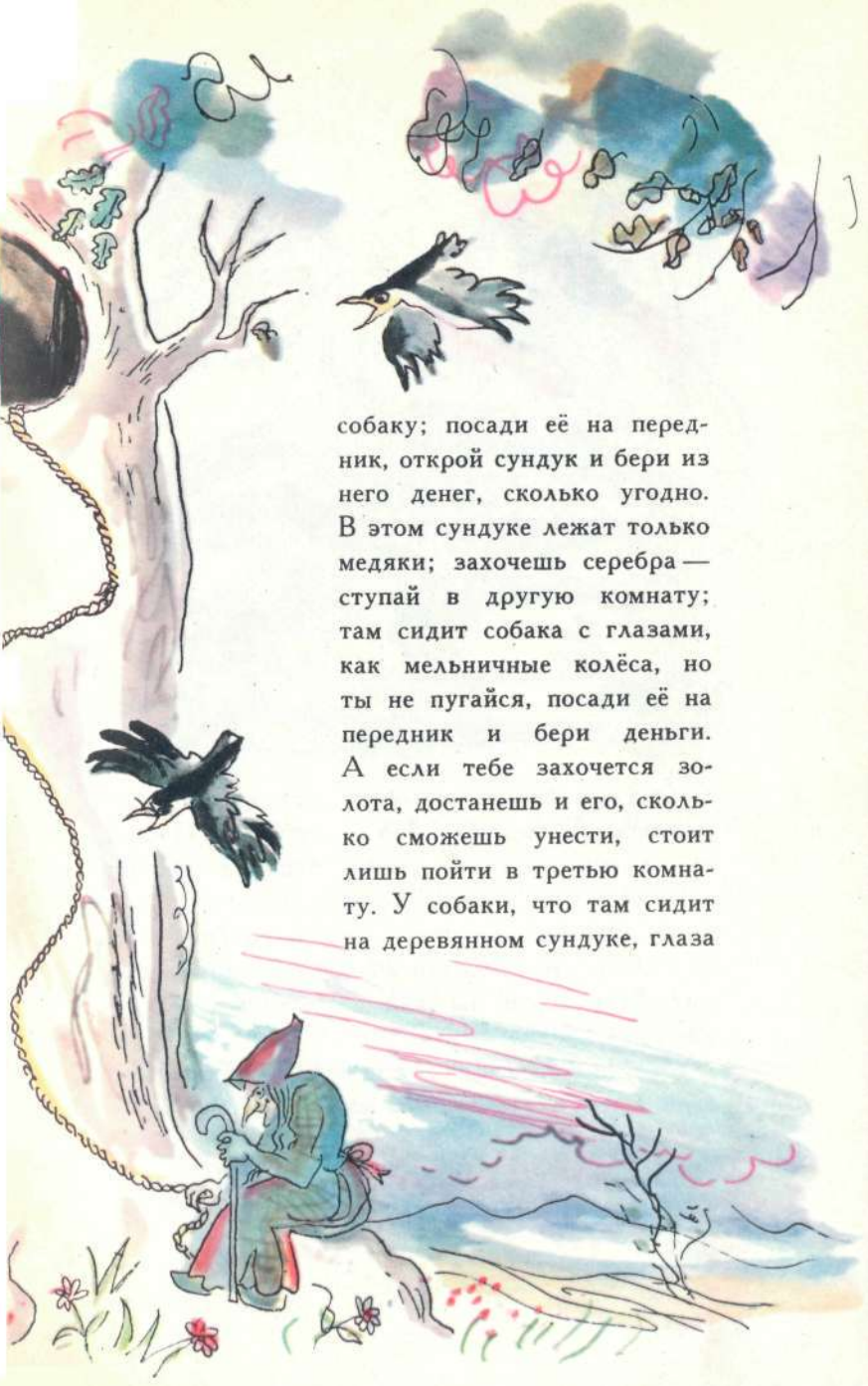
— Видишь вон то старое дерево? — сказала ведьма, показывая на дерево, которое стояло неподалёку. — Внутри оно пустое. Влезь наверх: увидишь дупло, спустишь в него до самого низу. Перед тем как ты спустишься, я тебя обвяжу верёвкой вокруг пояса, и, когда ты мне крикнешь, я тебя вытащу.

— Но зачем мне туда лезть? — спросил солдат.

— За деньгами! — ответила ведьма. — Надо тебе знать, что, когда ты доберешься до самого низа, ты увидишь большой подземный ход; в нём горит больше трёхсот ламп, поэтому там совсем светло. Потом ты увидишь три двери; можешь их отворить, ключи торчат снаружи. Войди в первую комнату; посреди комнаты увидишь большой сундук, а на нём собаку; глаза у неё величиной с чайную чашку. Но ты не бойся! Я дам тебе свой синий клетчатый передник, а ты расстели его на полу, быстренько подойди и схвати

собаку; посади её на передник, открой сундук и бери из него денег, сколько угодно. В этом сундуке лежат только медяки; захочешь серебра — ступай в другую комнату; там сидит собака с глазами, как мельничные колёса, но ты не пугайся, посади её на передник и бери деньги. А если тебе захочется золота, достанешь и его, сколько сможешь унести, стоит лишь пойти в третью комнату. У собаки, что там сидит на деревянном сундуке, глаза

с Круглую башню¹. Собака эта очень злая, можешь мне поверить! Но ты не бойся. Посади её на мой передник, и она тебя не тронет, а ты бери себе золота, сколько хочешь!

— Оно бы недурно! — сказал солдат. — Но что же ты с меня за это возьмёшь, старая ведьма? Ведь даром ты для меня ничего не делаешь.

— Ни гроша я с тебя не возьму, — ответила ведьма. — Только принеси мне старое огниво, —

¹Круглая башня. — Эта башня была построена в Копенгагене астрономом Тихо Браге, который устроил в ней обсерваторию.

там его позабыла моя бабушка, когда спускалась туда в прошлый раз.

— Ну, обвязывай меня верёвкой! — приказал солдат.

— Готово! — сказала ведьма. — А вот и мой синий клетчатый передник!

Солдат влез на дерево, соскользнул в дупло и, как и говорила ведьма, очутился в большом проходе, где горели сотни ламп.

Вот он открыл первую дверь. Ох! Там сидела собака с глазами, как чайные чашки, и тарасила их на солдата.

— Молодчина! — сказал солдат и, посадив собаку на ведьмин передник, набрал себе полный карман медных денег, потом закрыл сундук, водворил на него собаку и перешёл в другую комнату. Правду сказала ведьма! Там сидела собака с глазами, как мельничные колёса.

— Ну, нечего таращить на меня глаза, а то ещё заболят! — сказал солдат и посадил собаку на ведьмин передник.

Увидев в сундуке огромную кучу серебра, он выбросил все медяки и набил себе оба

кармана и ранец серебром. Затем он перешёл в третью комнату. Ну и страшилище! У собаки, что там сидела, глаза были никак не меньше Круглой башни и вращались, как колёса.

— Добрый вечер! — сказал солдат и взял под козырёк.

Такой собаки он ещё не видывал.

Впрочем, смотрел он на неё недолго, а взял да и посадил её на передник, потом открыл сундук. Боже! Сколько тут было золота! Он мог бы купить на него весь Копенгаген, всех сахарных

поросят у торговков сладями, всех оловянных солдатиков, всех деревянных лошадок и все кнутки на свете! Денег была уйма. Солдат выбросил серебряные деньги и так набил свои карманы, ранец, шапку и сапоги золотом, что едва мог двигаться. Ну, наконец-то он был при деньгах! Собаку он опять посадил на сундук, потом захлопнул дверь, поднял голову и закричал:

— Тащи меня, старая ведьма!

— Огниво взял? — спросила ведьма.

— Ах чёрт, чуть было не забыл! — ответил солдат; пошёл и взял огниво.

Ведьма вытащила его наверх, и он опять очутился на дороге, только теперь карманы его, и сапоги, и ранец, и фуражка были набиты золотом.

— Зачем тебе это огниво? — спросил солдат.

— Не твоё дело! — ответила ведьма. — Получил деньги, и хватит с тебя! Ну, отдавай мне огниво!

— Как бы не так! — сказал солдат. — Сию минуту говори, на что оно тебе нужно, а не то вытащу саблю и голову тебе отрублю.

— Не скажу! — упёрлась ведьма.

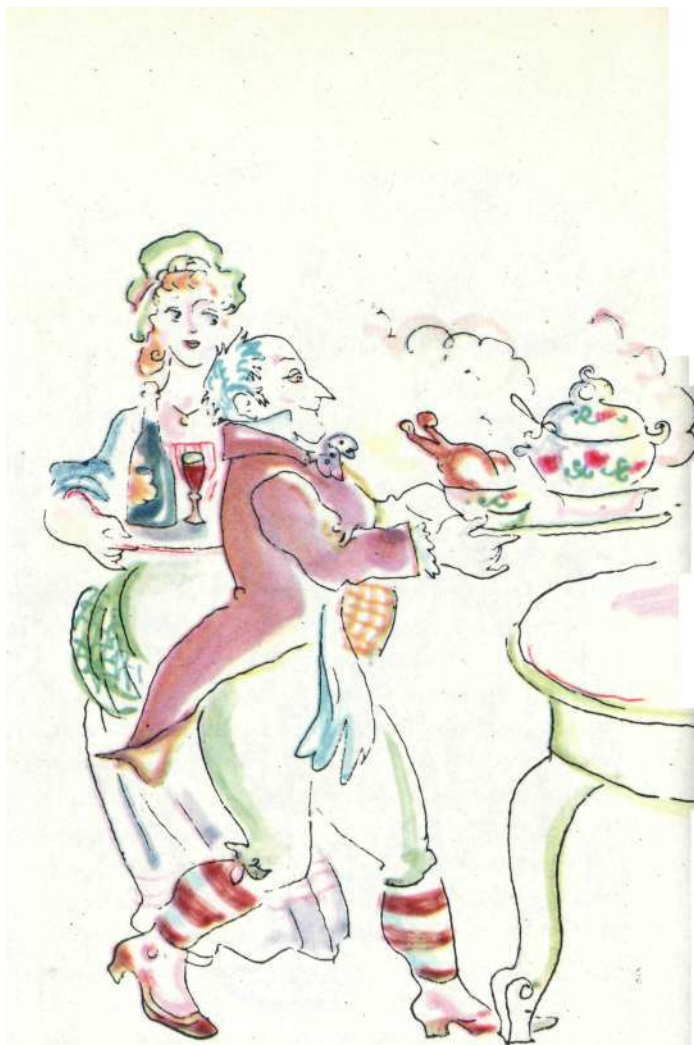
Ну, солдат взял да и отрубил ей голову. Ведьма повалилась на землю мёртвая, а он завязал все деньги в её передник, взвалил узел себе на спину, огниво сунул в карман и отправился прямо в город.

Город был богатый. Солдат остановился на самом дорогом постоялом дворе, занял самые лучшие комнаты и заказал все свои любимые блюда, — ведь он теперь стал богачом!

Слуга, который чистил обувь приезжих, удивился, что у такого богатого господина такие плохие сапоги, но солдат ещё не успел обзавестись новыми. Однако на другой день он купил себе и хорошие сапоги, и дорожную одежду.

Теперь солдат сделался настоя-

шим баринoм, и ему рассказали обо всех достопримечательностях города, о короле и его прелестной дочери, принцессе.

— Как бы её увидеть? — спросил солдат.

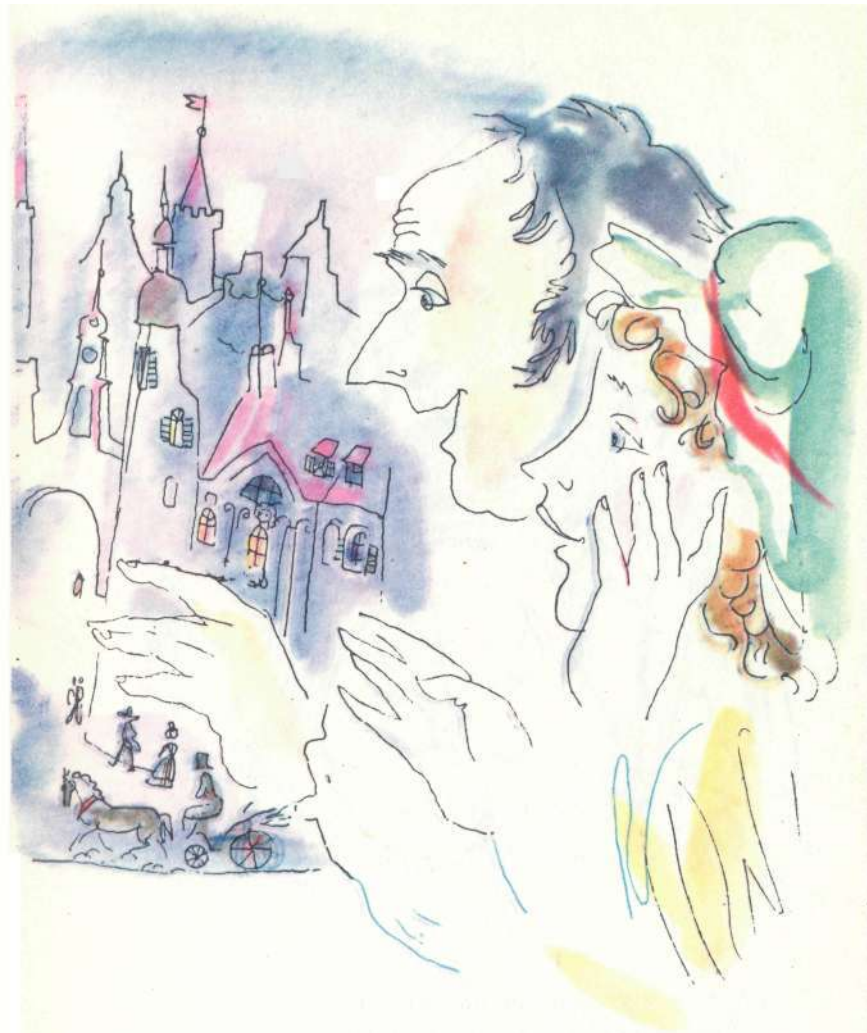

— Это невозможно! — ответили ему. — Она живёт в огромном медном замке, а замок окружён высокими стенами с башнями. Никто, кроме самого короля, не смеет ни войти туда, ни выйти

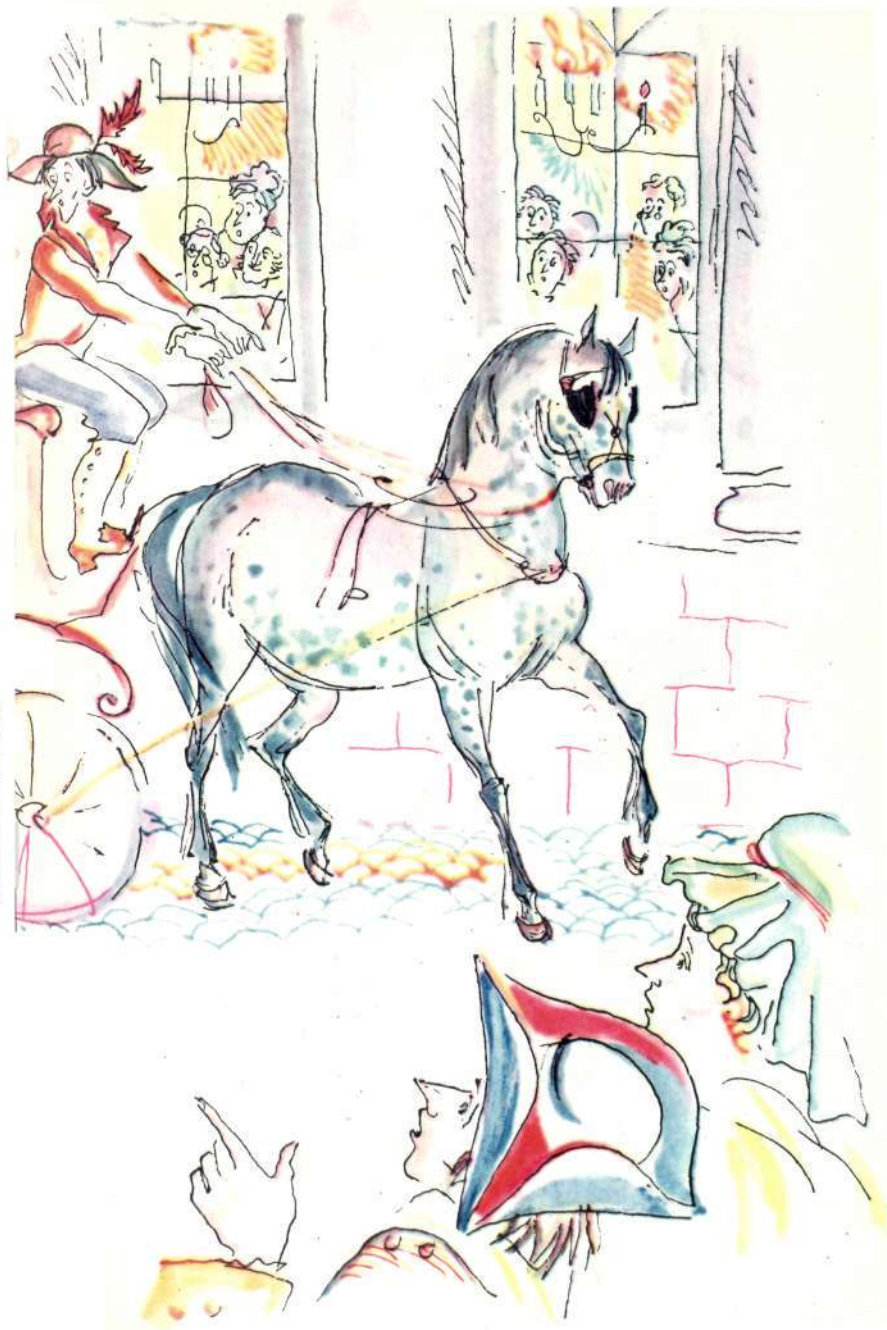
оттуда, потому что королю предсказали, что дочь его выйдет замуж за совсем простого солдата, а королям такое понравиться не может.

«Вот бы на неё поглядеть!» — подумал солдат.

Да кто бы ему позволил?!

Теперь он зажил весело: ходил в театры, ездил кататься в королевский сад и много денег отдавал бедным. И это было очень хорошо с его

стороны, ведь он по себе знал, как трудно сидеть без гроша в кармане! Теперь он был богат, прекрасно одевался и приобрёл множество друзей; все они называли его славным малым, настоящим кавалером, а ему это очень нравилось. Но так как он всё только тратил деньги, а новых

ему взять было неоткуда, то в конце концов осталось у него всего-навсего две монетки! Пришлось перебраться из хороших комнат в крошечную каморку под самой крышей, самому чистить себе сапоги и даже латать их; теперь никто из друзей его не навещал, — уж очень высоко было к нему подниматься!

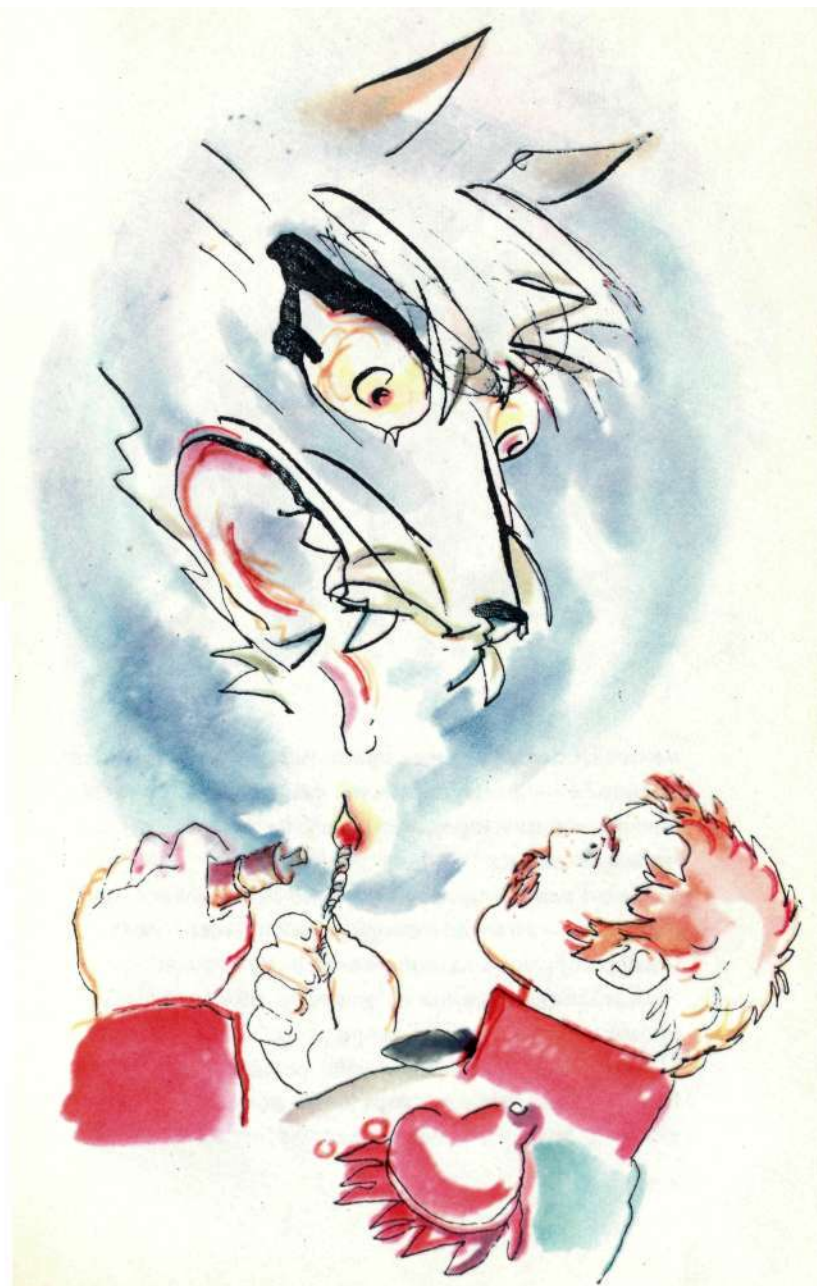
Однажды тёмным вечером солдат сидел в своей каморке, денег у него не было даже на свечку. И вдруг он вспомнил про крошечный огарочек в огниве, которое он взял в подземелье, куда спускала его ведьма. Солдат достал огниво и огарок, но как только ударил по кремню, высекая огонь, дверь распахнулась, и перед ним предстала собака с глазами, как чайные чашки, та самая, которую он видел в подземелье.

— Что угодно, господин? — пролаяла она.

— Вот так история! — сказал солдат. — Огниво-то, выходит, прелюбопытная штука: теперь я смогу получить всё, что захочу! Эй ты, добудь-ка мне денег! — приказал он собаке. И... раз — её уж и след простыл; два — она опять была тут как тут, а в зубах держала большой кошель, набитый медными монетами! Тогда солдат понял, что за чудодейственное у него огниво. Ударить по кремню раз — является собака, что сидела на сундуке с медными деньгами; ударить два — является та, что сидела на серебре; ударить три — прибегает та, что сидела на золоте.

Солдат опять перебрался в хорошие комнаты и стал носить богатую одежду, а все его друзья немедленно узнали его и крепко полюбили вновь.

Вот раз ему и приди в голову: «Как это глупо; что нельзя повидать принцессу! Такая красавица, говорят, а что толку? Весь век сидит в медном замке, за высокими стенами с башнями! Неужели мне так и не удастся поглядеть

на неё, хоть одним глазком? Ну-ка, где моё огниво?» — и он ударил по камню раз. В тот же миг перед ним предстала собака с глазами, как чайные чашки.

— Теперь, правда, уже ночь, — сказал солдат, — но мне до смерти захотелось увидеть принцессу, хоть на минуточку!

Собака сейчас же за дверь, и не успел солдат опомниться, как она вернулась с принцессой. Принцесса сидела на спине у собаки и спала. Она была чудо как хороша — всякий сразу бы увидел, что это настоящая принцесса; солдат

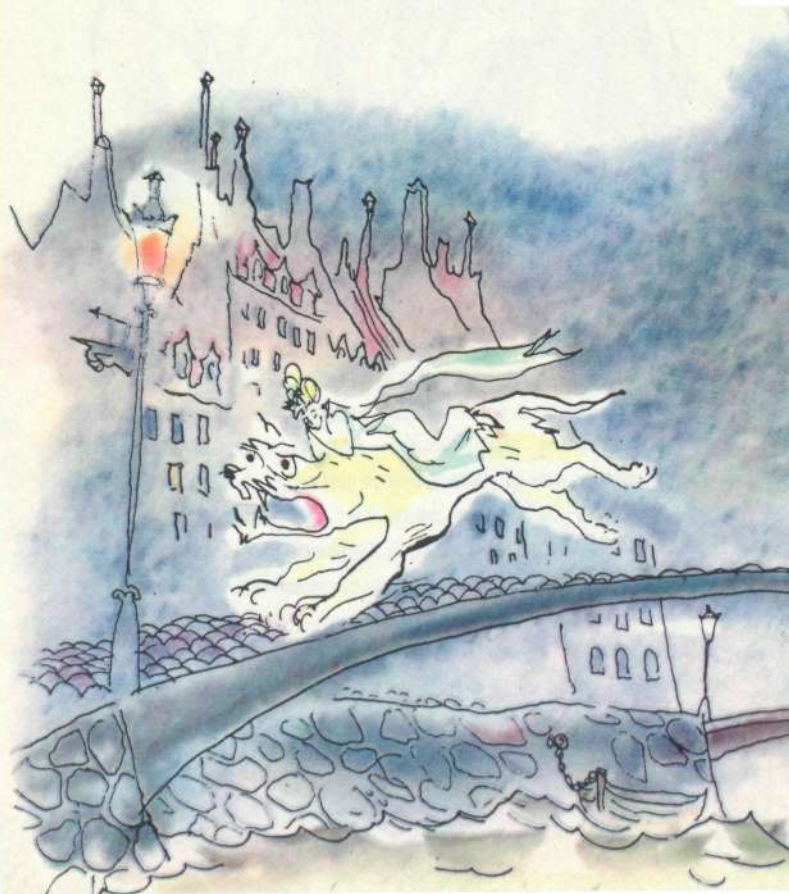
не утерпел и поцеловал её, — он ведь был brave воин, настоящий солдат.

Потом собака отнесла принцессу назад; и за утренним чаем принцесса рассказала королю с королевой, какой она нынче видела удивительный сон про собаку и солдата: будто она ехала верхом на собаке, а солдат поцеловал её.

— Вот так история! — воскликнула королева.

На следующую ночь в спальню принцессы отрядили старуху фрейлину с приказом разузнать, был ли то сон или явь.

А солдату опять до смерти захотелось увидеть прелестную принцессу. И вот — ночь, снова явилась собака, схватила принцессу и помчалась с ней во всю прыть к солдату; но старуха Фрейлина надела непромокаемые сапоги и пустилась вдогонку. Увидев, что собака скрылась с принцессой в одном большом доме, фрейлина подумала: «Теперь я знаю, где их найти!» — начертила большой крест на воротах и отправилась

домой спать. Но собака на обратном пути заметила этот крест, сейчас же взяла кусок мела и понаставила крестов на всех воротах в городе. Это было ловко придумано: теперь фрейлина не могла найти нужные ворота, раз на всех остальных тоже белели кресты.

Рано утром король с королевой, старуха фрейлина и все офицеры пошли узнать, куда ездила принцесса ночью.

— Вот куда! — сказал король, увидев первые ворота с крестом.

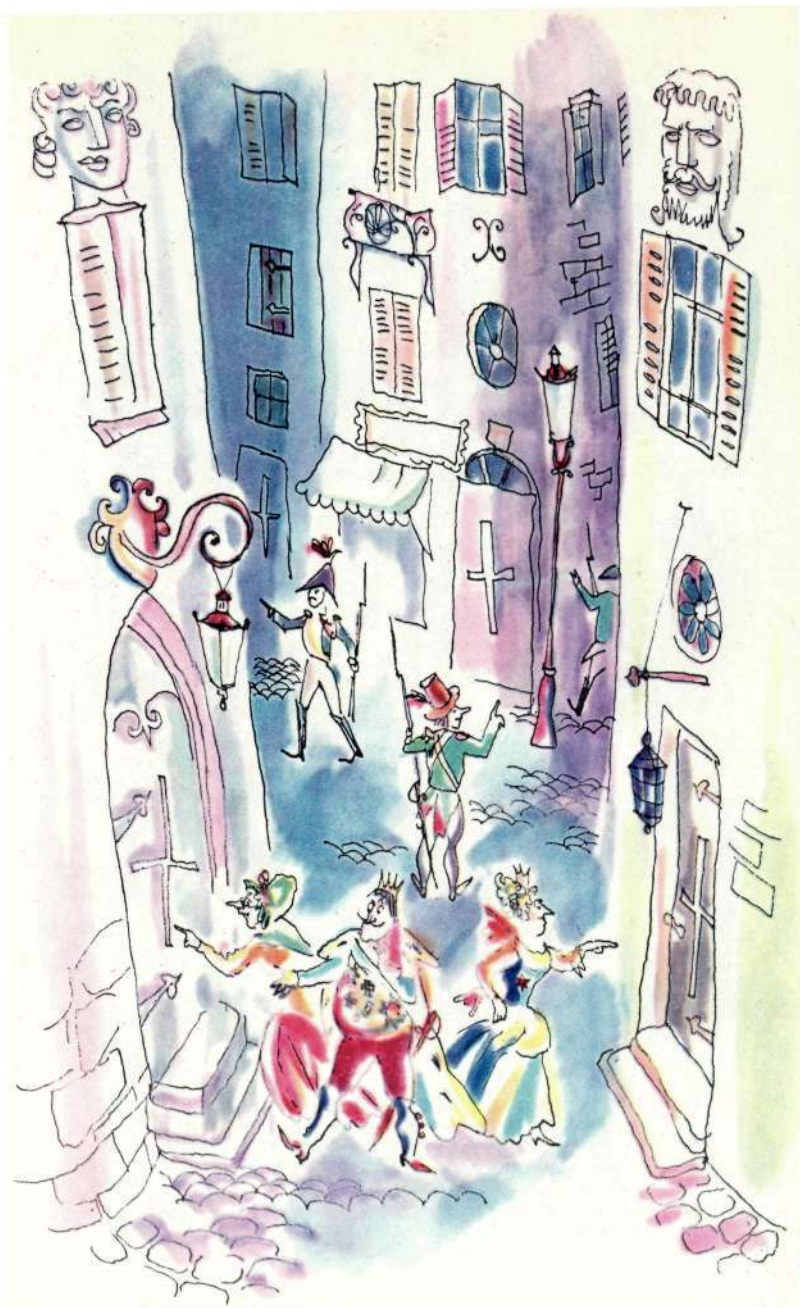
— Нет, вот куда, муженёк! — возразила королева, заметив крест на других воротах.

— Крест и здесь, и здесь... — зашумели другие, увидев кресты на всех воротах. Тут все поняли, что не добиться им толку.

Но королева была женщина умная, — она умела не только в каретах развезжать. И вот взяла она большие золотые ножницы, разрежала кусок шёлковой материи на несколько лоскутов и сшила крошечный хорошенький мешочек; в тот мешочек она насыпала мелкой гречневой крупы и привязала его на спину дочке, а потом прорезала в нём дырочку, чтобы крупа сыпалась на дорогу, по которой поедет принцесса.

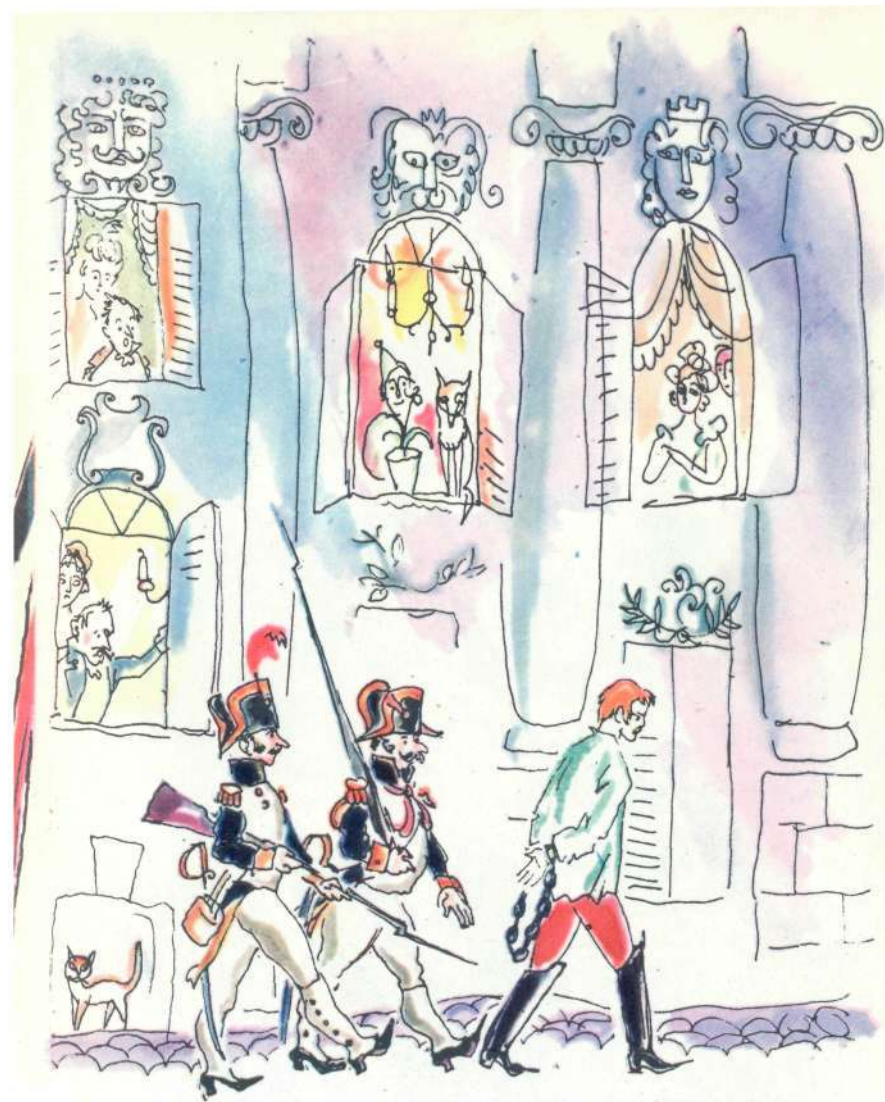
Ночью собака явилась опять, посадила принцессу себе на спину и побежала к солдату, а солдат до того влюбился в принцессу, что начал жалеть, почему он не принц, — так хотелось ему жениться на ней.

Собака и не заметила, что по всей дороге, от

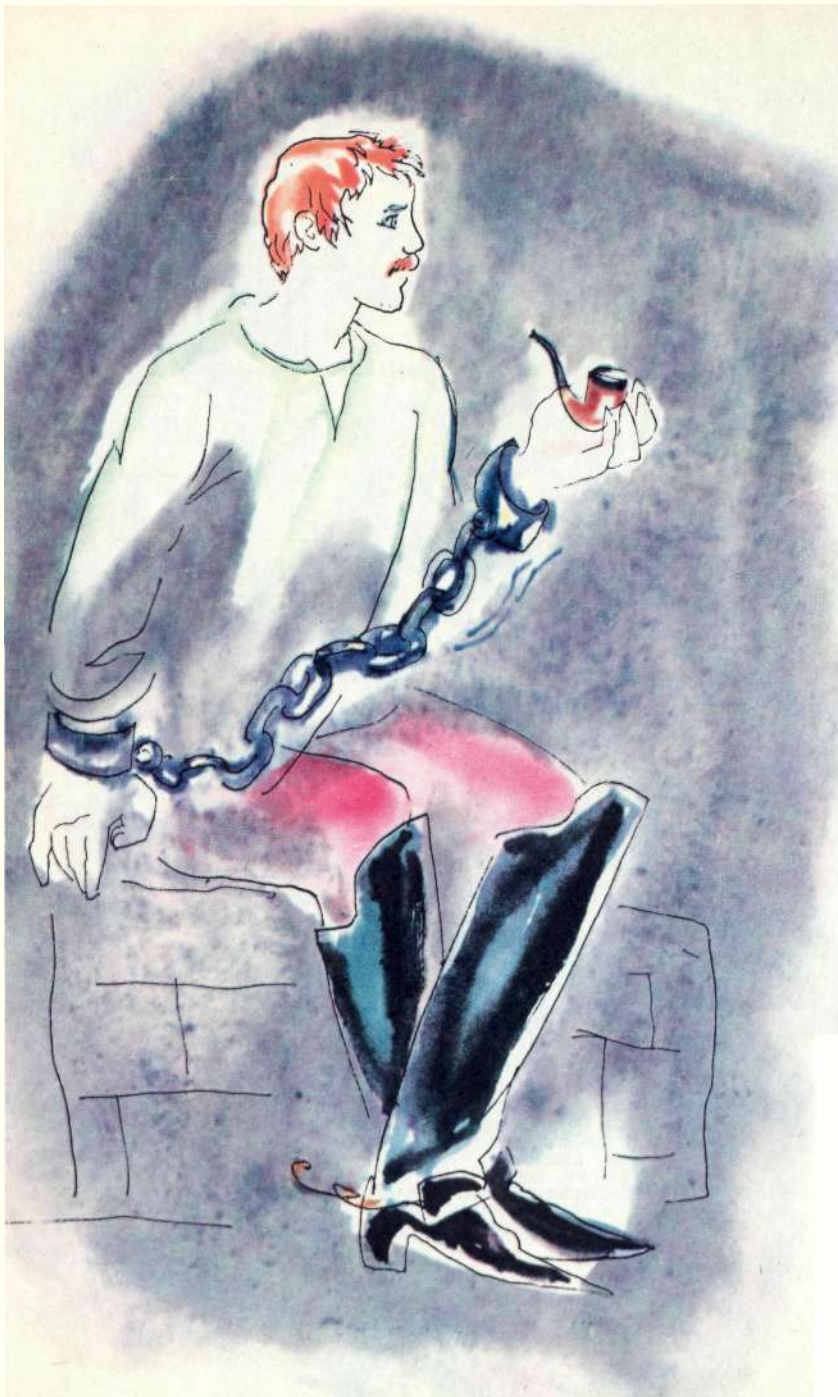

самого дворца до окна солдата, куда она вско-
чила с принцессой, за нею сыпалась крупа. Уже
рано утром король и королева узнали, куда
ездила их дочь, и солдата посадили в тюрьму.

Как там было темно и тоскливо! Засадили
его туда и сказали: «Завтра утром тебя по-
весят!» Невесело было услышать это. А огниво
свое он позабыл дома, на постоялом дворе.

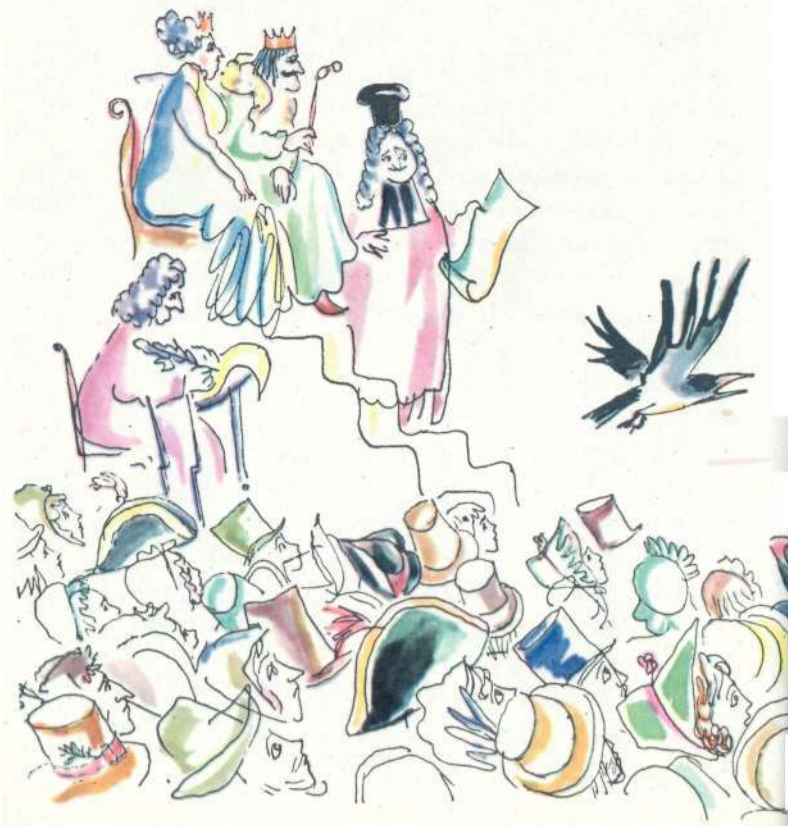
Утром солдат подошёл к маленькому окошку своей камеры и стал смотреть сквозь железную решётку на улицу: народ толпами валил за город смотреть, как будут вешать солдата; били барабаны, проходили полки. Все бежали бегом; бежал и мальчишка-сапожник в кожаном переднике и туфлях. Он мчался вприпрыжку, и одна туфля слетела у него с ноги и стукнула прямо в стену, у которой стоял солдат, глядя сквозь решётку.

— Эй, ты, куда торопишься? — сказал солдат мальчику. — Без меня ведь дело не обойдётся! А вот если ты сбегашь туда, где я жил раньше, за моим огнивом, ты получишь четыре монеты. Только живо!

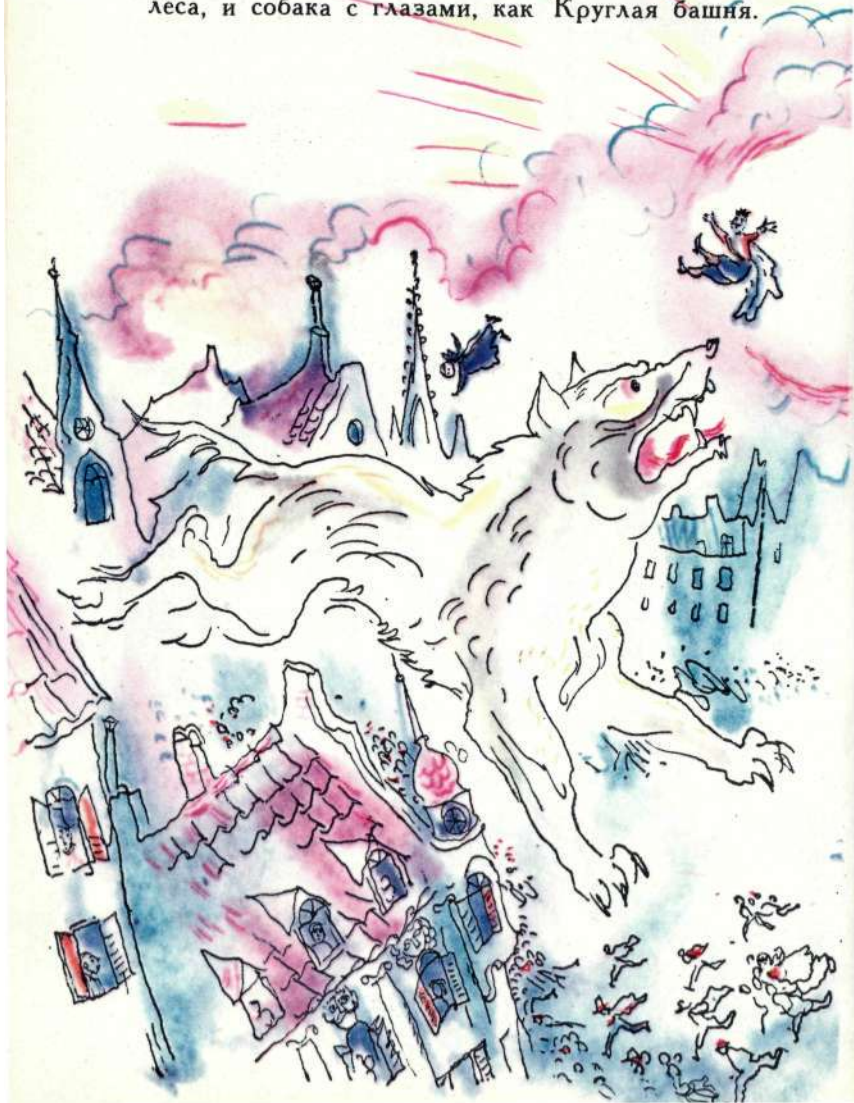
Мальчишка был не прочь получить четыре монеты и стрелой пустился за огнивом, отдал его солдату, и... а вот сейчас узнаем, что было потом!

За городом была построена огромная виселица, а вокруг стояли солдаты и многие сотни тысяч людей. Король и королева сидели на роскошном троне прямо против судей и королевского совета.

Солдат уже стоял на лестнице, и ему собирались накинуть верёвку на шею, но он сказал, что, прежде чем казнить преступника, всегда исполняют какое-нибудь его невинное желание. А ему очень хотелось бы выкурить трубочку табаку, — ведь это будет его последняя трубочка на этом свете!

Король не посмел отказать в этой просьбе, и солдат вытащил своё огниво. Ударил по кремню раз, два, три — и перед ним предстали все три собаки: собака с глазами, как чайные чашки, собака с глазами, как мельничные колёса, и собака с глазами, как Круглая башня.

— Ну-ка, помогите мне избавиться от петли! — приказал им солдат.

И собаки бросились на судей и на весь королевский совет: того за ноги схватят, этого за нос и давай подбрасывать ввысь. Да так, что, падая, все разбивались вдребезги!

— Не надо! — закричал король, но самая большая собака схватила его вместе с королевой и подбросила их ввысь вслед за другими.

Тогда солдаты испугались, а весь народ закричал:

— Служивый, будь нашим королём и женись на прекрасной принцессе!

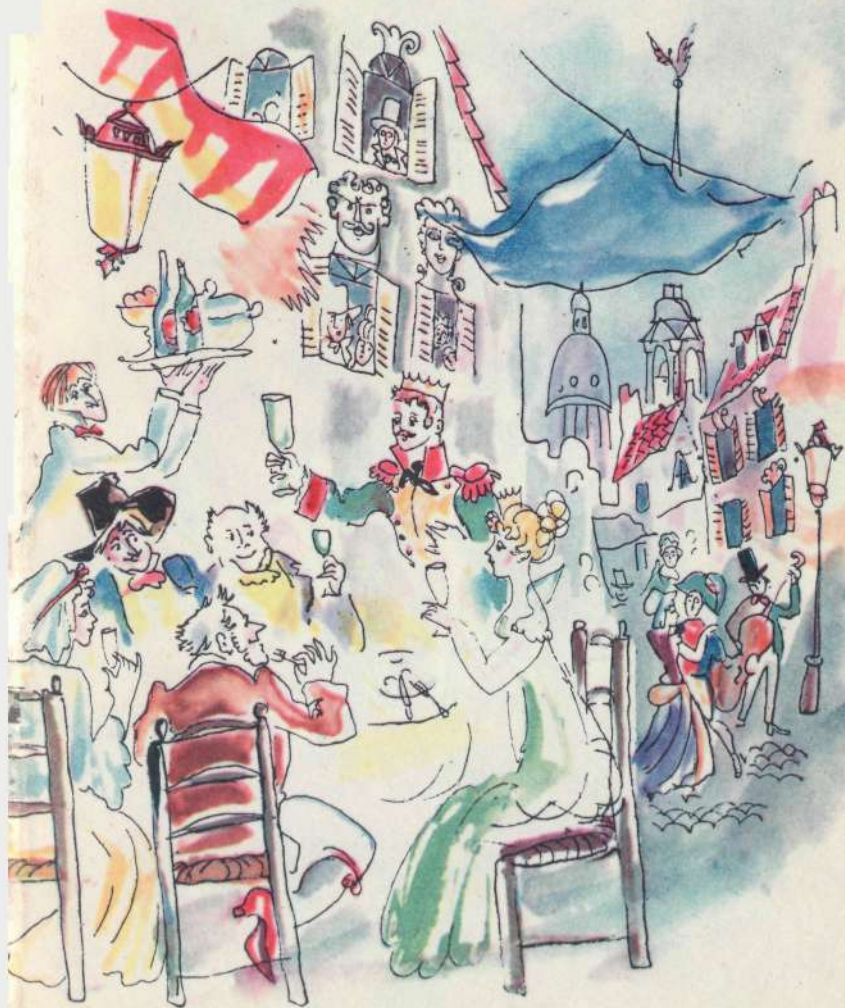
И вот солдата посадили в
королевскую карету. Карета
катилась, а все три собаки
танцевали перед ней и кри-
чали «ура!» Мальчишки сви-

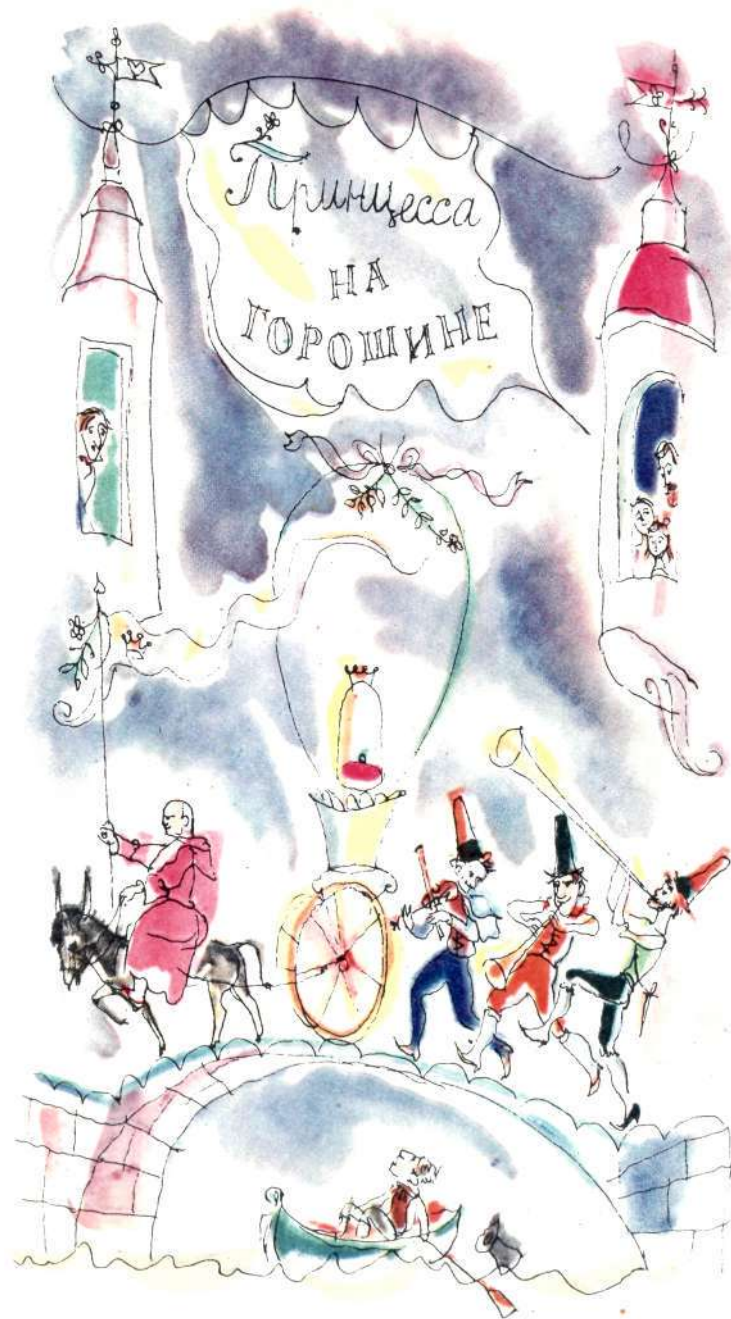
стели, засунув пальцы в рот, солдаты отдавали честь. Принцесса вышла из своего медного замка и сделалась королевой, чем была очень до-

вольна. Свадебный пир продолжался целую неделю; собаки тоже сидели за столом и тарасили глаза.

Жил-был принц, и захотелось ему жениться
на принцессе, но только на самой настоящей

принцессе. Он объездил весь свет, чтобы найти

себе невесту, да так и не нашёл. Принцесс

было сколько угодно, но
он никак не мог узнать,
настоящие они или нет.

Всем им чего-нибудь не
хватало. И вот принц

Однажды вечером разыгралась непогода:
гремел гром, сверкала молния, дождь лил как
из ведра.

Вдруг кто-то постучался в городские ворота,
и старый король пошёл отпирать.

За воротами стояла принцесса. Но, боже, в каком она была виде! Потoki дождевой воды стекали по её волосам и платью на носки туфель

и вытекали из-под каблуков. И она ещё уверяла, что она настоящая принцесса!

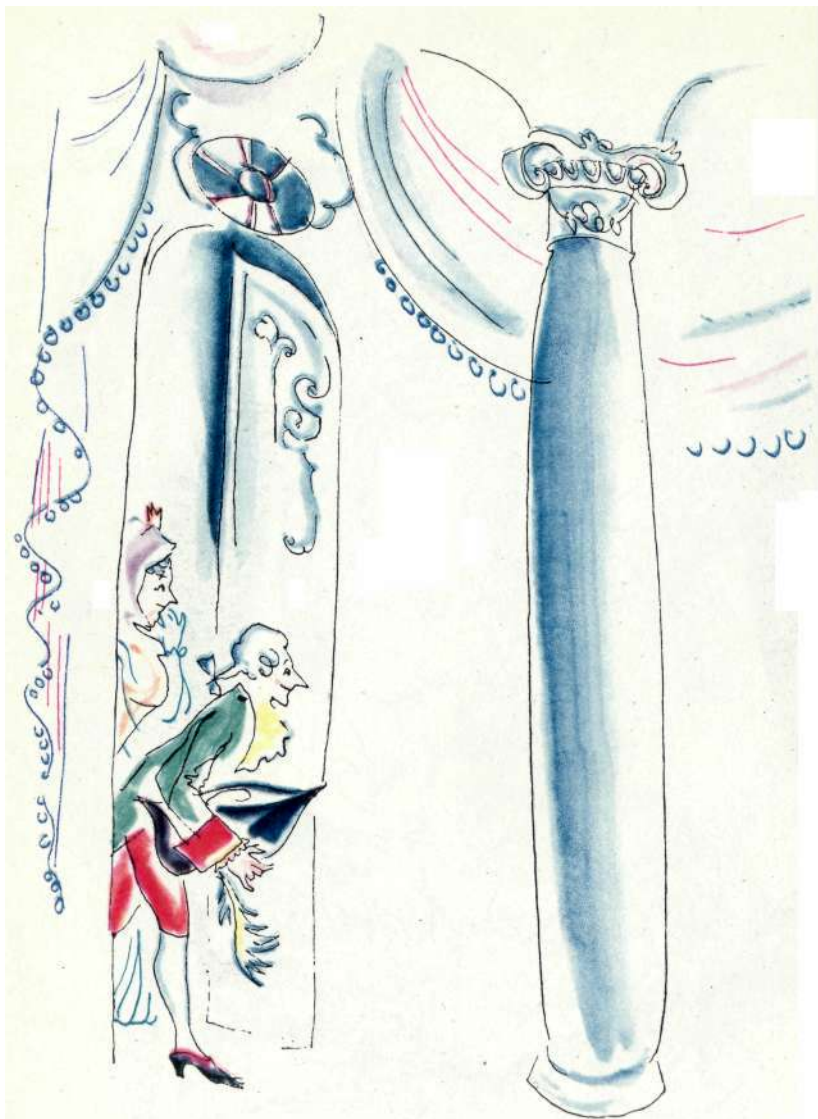
«Ну, это уж мы проверим», — подумала старая королева, но ничего не сказала и пошла в спальню. Там она сбросила с кровати одеяло и простыни и на голые доски положила горошину, потом прикрыла эту горошину двенадцатью тюфяками, а поверх тюфяков набросала ещё двенадцать перинок из гагачьего пуха.

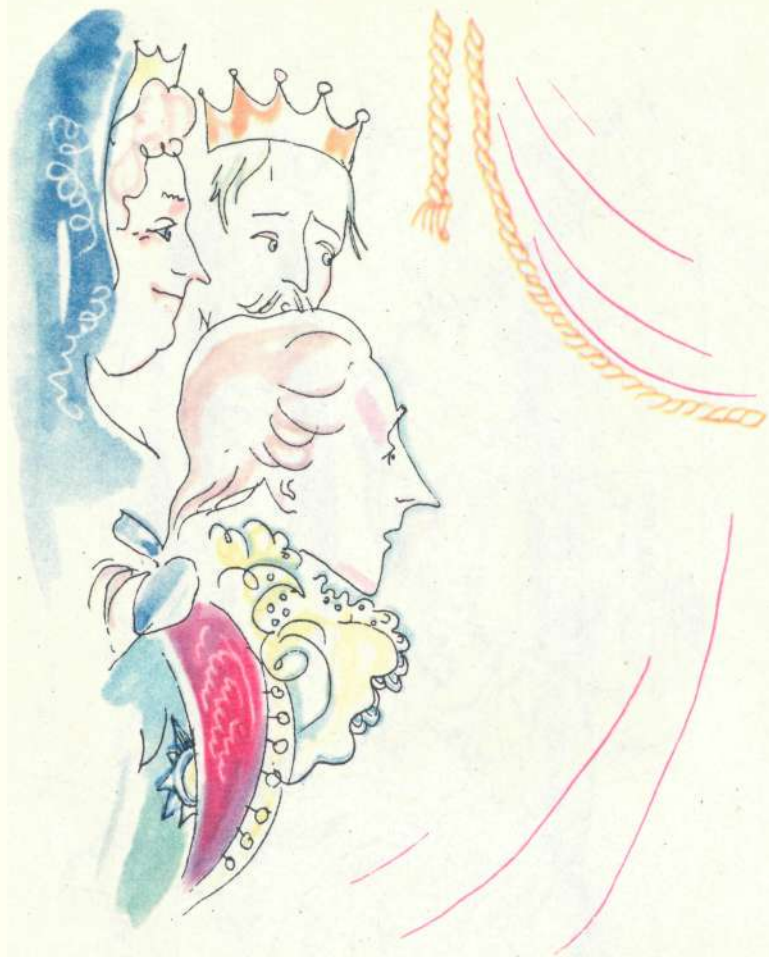
На эту кровать уложили принцессу, и там она пролежала всю ночь.

Утром её спросили, как она почивала.
— Ах, очень плохо!— ответила принцесса. —

Я почти всю ночь напролёт глаз не смыкала. Один бог знает, что такое попало ко мне в постель. Я лежала на чём-то твёрдом, и теперь у меня всё тело в синяках. Это просто ужасно!

Тут все поняли, что это настоящая принцесса, ведь она лежала на двенадцати тюфяках

и двенадцати перинах, а всё-таки чувствовала горошину. Столь чувствительной могла быть только настоящая принцесса.

Тогда принц женился на ней, — наконец-
то он не сомневался, что нашёл настоящую

принцессу. А горошина попала в музей,
где и лежит до сих пор, если только
никто её не украл.

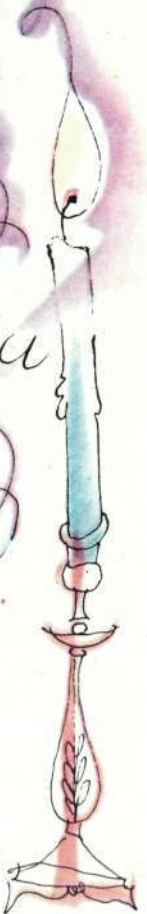
Знай, это истинная история!

Пластушка
и
трудолюбива

Видал ли ты когда-нибудь настоящие старинные шкафы, все почерневшие от старости, с деревянными завитушками?

В одной жилой комнате стоял как раз такой шкаф, доставшийся своим хозяевам по наследству от прабабушки. Шкаф был сверху донизу покрыт резьбой — деревянными розами и тюльпанами; маленькие олени высовывали свои рогатые головки из причудливых завитушек, а на самом видном месте мастер вырезал фигуру человека. Забавно было смотреть на него: он скорчил гримасу и осклабился; однако никак нельзя было сказать, что он смеётся. Ноги у человечка были козлиные, на лбу торчали рожки,

длинная борода свешивалась на грудь. Дети всегда называли его «козлоногий обер-унтер-генерал-капитан-сержант», хотя это звание было очень трудно произносить и редко кто его удостоивался; да и вырезать человечка из дерева стоило большого труда. Тем не менее он красовался на шкафу, вечно косясь на подзеркальник, потому что там стояла прелестная маленькая фарфоровая пастушка в башмачках с позолотой и в золочёной шляпке. Платье её было изящно подобрано сбоку и украшено красной розой, а в руке она держала пастуший посох. Пастушка была очаровательна! Почти совсем рядом с ней стоял маленький трубочист, чёрный, как уголь, но тоже фарфоровый. Он был чистенький и красивый, ничуть не хуже всякого другого, и должен был только изображать трубочиста, — мастер мог бы с одинаковым успехом сделать его и принцем; не всё ли равно — трубочист или принц?

Трубочист стоял, приняв красивую позу и держа в руках лесенку, белолицый и румяный, как девушка, — но это, пожалуй, было ошибкой: не мешало бы его хоть чуточку выпачкать. Он стоял почти рядом с пастушкой, потому что их так поставили, а раз уж они очутились рядом, то и обручились, — они ведь очень подходили друг к другу: оба молодые, сделанные из одинакового фарфора и одинаково хрупкие.

На подзеркальнике рядом с ними стояла ещё одна кукла, но она была в три раза крупнее. Это был старый китаец, который умел кивать

головой. Он тоже был фарфоровый и говорил, что приходится дедом маленькой пастушке, и хотя, конечно, не мог это доказать, но утверждал, что имеет право распоряжаться её судьбой, — поэтому он кивал козлоному обер-

унтер-генерал-капитан-сержанту, который посватался за пастушку.

— Вот твой будущий муж, — сказал однажды пастушке старый китаец. — Судя по всему, он сделан из красного дерева. Выйдешь за него,

и тебя будут называть супругой козлоногого обер-унтер-генерал-капитан-сержанта: у него весь шкаф набит серебром, не говоря уж о том, что припрятано в потайных ящиках.

— Я не хочу к нему в тёмный шкаф, — возразила маленькая пастушка. — Говорят, будто он держит там взаперти одиннадцать фарфоровых жён!

— Ну, значит, ты будешь двенадцатой! — отрезал китаец. — Сегодня ночью, как только в старом шкафу раздастся треск, вы сыграете свадьбу, — это так же верно, как то, что я китаец! — и, кивнув головой, он уснул.

А маленькая пастушка заплакала, посмотрела на своего милого дружка — фарфорового трубочиста — и сказала:

— Прошу тебя: уйдём отсюда, хоть на край света! Здесь нам оставаться нельзя!

— Я хочу того, чего хочешь ты, — ответил ей маленький трубочист, — уйдём хоть сейчас! Уверен, что смогу прокормить тебя своим ремеслом.

— Ах, если бы нам поскорее спуститься с подзеркальника! — вздохнула пастушка. — Я буду счастлива, только когда вырвусь с тобой на волю.

Трубочист утешил её, потом показал ей, как удобнее спуститься вниз по резному краю, позолоченным ножкам подзеркальника. Тут им очень пригодилась его лесенка, и вот они уже ступили на пол; посмотрели на шкаф — видят, что там начался переполох.

Резные олени ещё больше вытянули шеи, насторожили рога и принялись крутить головой, а козлоногий обер-унтер-генерал-капитан-сержант высоко подпрыгнул и крикнул старому китайцу:

— Они сбежали, сбежали!

Беглецы слегка испугались и быстро прыгнули в выдвижной ящик под окном.

В этом ящике хранились три-четыре неполные колоды карт и крошечный кукольный театр, который был расставлен, насколько это позволяло место. В театре шло представление. В первом ряду сидели все дамы — червонные, бубновые, трефовые и пиковые — и обмахивались своими тюльпанамй. Позади них стояли валеты, у каждого из них было по две головы — одна вверху, другая внизу. Пьеса была о двух влюблённых, которым никак не удавалось соединить-

ся, и пастушка, глядя на них, заплакала, — спектакль напомнил ей её собственную участь.

— Ах, я не могу больше выдержать! — пролепетала она. — Выберемся отсюда!

Но когда они снова очутились на полу и

посмотрели на свой подзеркальник, то увидели, что старый китаец проснулся; он сдвинулся с места и куда-то переползал сидя, — он всегда сидел скрестив ноги, а ходить не умел.

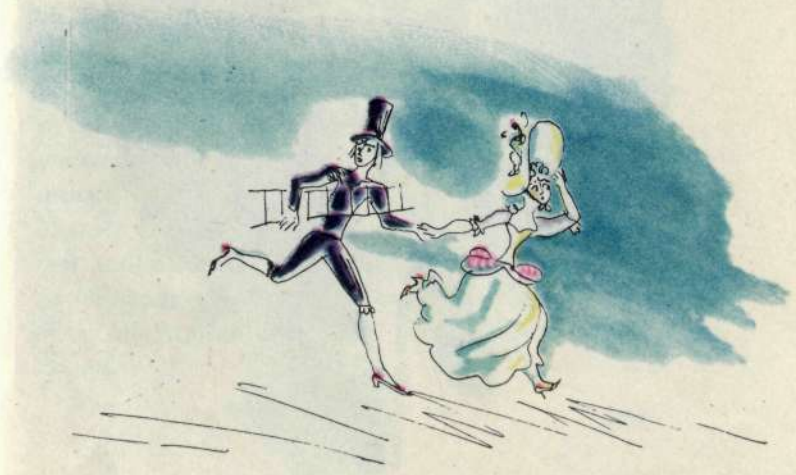

— Старый китаец гонится за нами! — вскрикнула маленькая пастушка и так испугалась, что упала на свои фарфоровые коленки.

— Вот что мне пришло в голову, — сказал трубочист. — Залезем с тобой в большую вазу для пряностей, вон в ту, что стоит в углу. Ляжем на лепестки роз и лаванды и будем оттуда бросать соль в глаза китайцу, если он сунется к нам.

— Это мало поможет! — возразила пастушка. — Кроме того, я знаю, что старый китаец и ваза были когда-то помолвлены, а раз они любили друг друга, то это чувство не могло исчезнуть бесследно. Нет, нам остаётся только одно — уйти на край света!

— А ты не боишься отправиться в путь со мною? — спросил трубочист. — Подумала ты о том, как обширен этот мир, о том, что нам обратно уже не вернуться?

— Да, подумала! — ответила пастушка.

Трубочист с решительным видом посмотрел на неё и сказал:

— Я знаю лишь один путь — дымоход! А ты и вправду решаешься войти со мной в печку и потом карабкаться по топке и дымоходу наверх? Когда мы, наконец, доберёмся до трубы, уж тут-то я сумею себя показать: мы поднимемся на такую высоту, что догнать нас не смогут; а на самом верху будет дыра — выход в широкий мир.

И трубочист повёл пастушку к печной двери.

— Ах, как там черно! — воскликнула она, но всё же полезла вместе с трубочистом в печку и через топку в дымоход, где не было видно ни зги.

— Ну вот, мы и в дымоходе! — сказал трубочист. — Посмотри, какая прелестная звёздочка сияет наверху!

С неба на них глядела самая настоящая звезда; она сияла прямо над ними, словно хотела указать им выход. А они ползли и карабкались всё выше и выше, — о, какой это был тяжёлый путь! Так высоко пришлось им взбираться, так высоко! Но трубочист помогал пастушке, поднимал её, поддерживал и указывал, куда ей лучше ставить свои фарфоровые ножки. Так они добрались до самого верха трубы и уселись на её краю, чтобы как следует отдохнуть, — ведь немудрено, что они устали после такой дороги.

Над ними рассти-
лось небо, усеянное звёз-
дами, а внизу виднелись
крыши города. Трубочист
и пастушка озирались по
сторонам, глядя на этот
огромный мир. Бедная па-
стушка раньше даже не

представляла себе, что он такой;
она положила головку на плечо
трубочисту и так зарыдала, что
позолота посыпалась с её корсажа.

— Нет, это уж слишком! Я не
в силах жить здесь. Мир слишком
велик! — воскликнула она. — Ах,
если бы снова очутиться на нашем

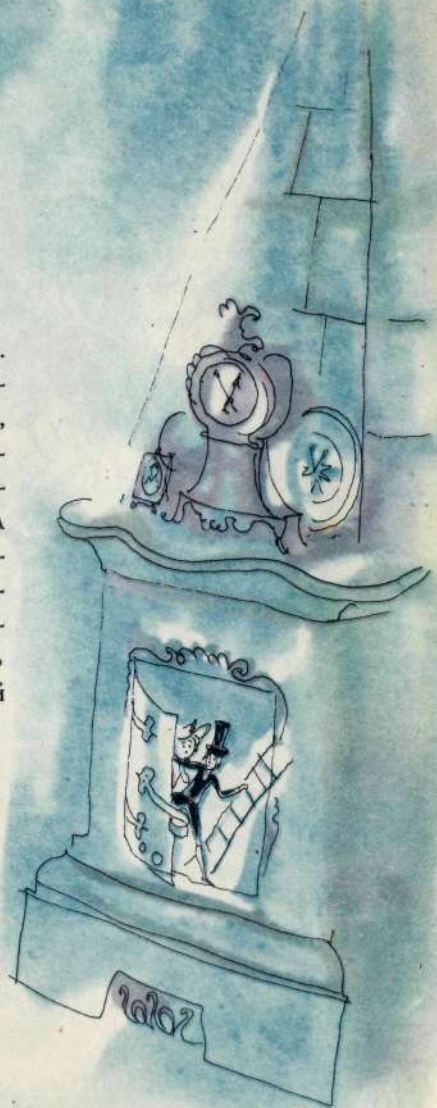
подзеркальнике! Не успокоюсь, пока не вернусь обратно. Ведь пошла же я с тобой на край света, а теперь и ты мог бы проводить меня домой, если хоть чуточку любишь!

Тогда трубочист принялся её уговаривать и напомнил о старом китайце и о козлоном оберунтер-генерал-капитан-сержанте. Но пастушка плакала так горько, она так целовала своего милого трубочиста, что ему оставалось только уступить ей, хоть это и было неразумно.

С большим трудом спустившись по трубе, они снова принялись ползти по дымоходу вниз и, наконец, добрались до топки, где было очень темно; подойдя к закрытой печной дверце, они прислушались к тому, что происходит в комнате. Там было совсем тихо. Они

выглянули из печки и... о ужас! — в самой середине комнаты, на полу, лежал старый китаец. Оказывается, он, когда погнался за беглецами, упал с подзеркальника и разбился на три части, — спина у него откололась целиком, а голова откатилась в угол. Но козлоногий

обер-унтер-генерал-капитан-сержант стоял на прежнем месте и раздумывал о случившемся.

— О, какой ужас! — воскликнула маленькая пастушка. — Мой старенький дедушка разбился, и всё из-за нас. Этого я не смогу пережить! — И она в отчаянии ломала свои крохотные ручки.

— Его ещё можно починить, и починить превосходно! — заметил трубочист. — А ты не огорчайся так. Стоит лишь намазать ему спину клеем, а в горло вставить большую планку, и он будет совсем как новый; чего доброго, наговорит ещё кучу неприятных слов.

— Ты так думаешь? — спросила пастушка, и оба они взобрались на подзеркальник, где стояли раньше.

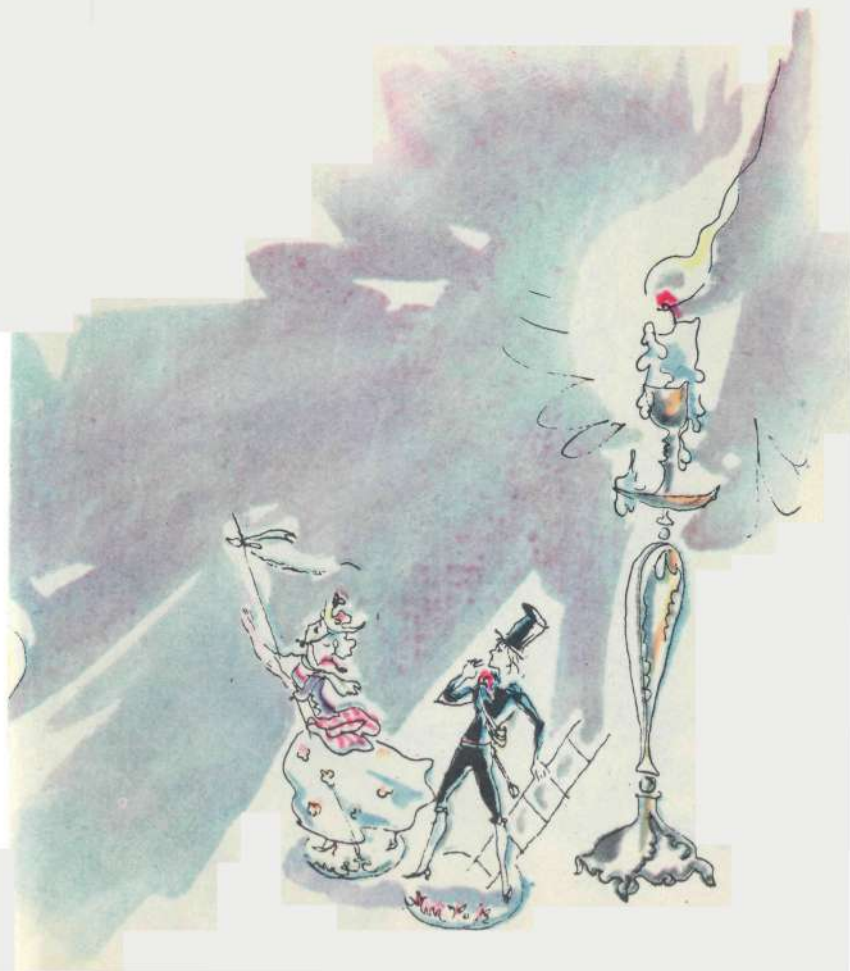
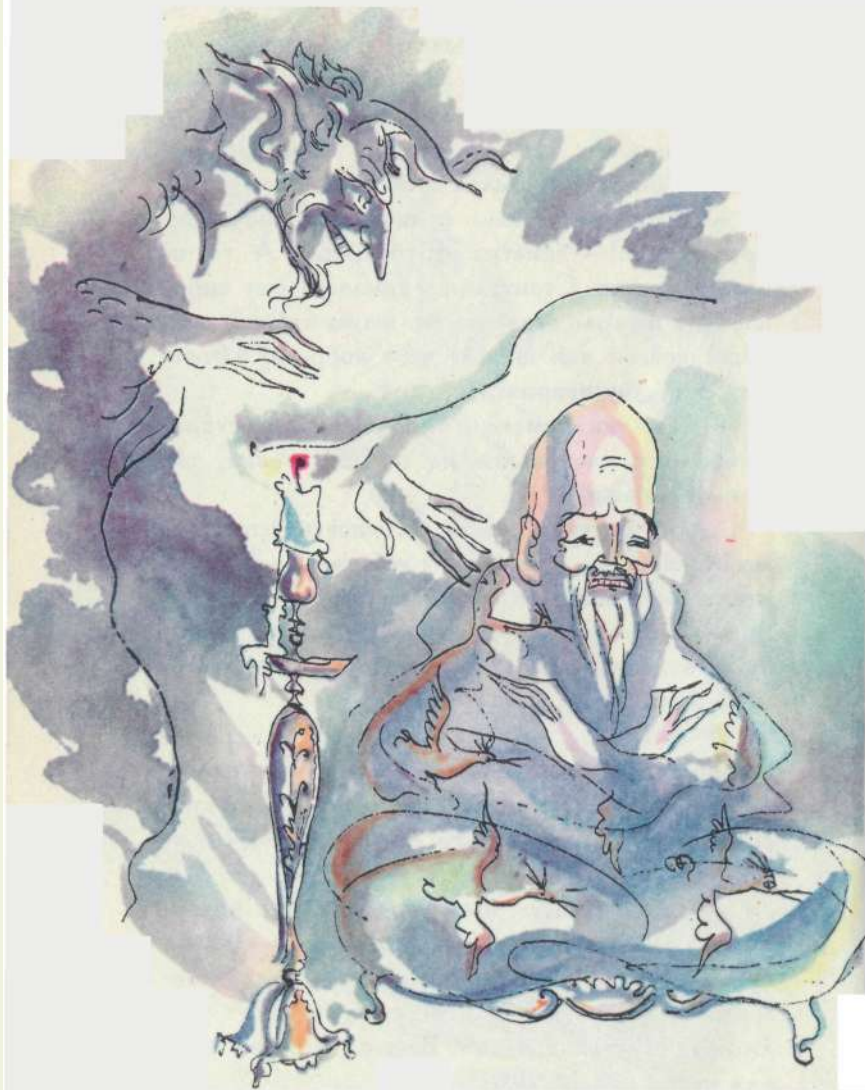
— Вот видишь, какое большое путешествие мы совершили, — сказал трубочист. — А ведь могли бы и вовсе не трогаться с места!

— Только бы удалось починить дедушку! — вздохнула пастушка. — Дорого это будет стоить?

И старого китайца починили — в этом принимала участие вся семья. Спину ему склеили, в горло вставили планку, и он стал совсем как новый, только кивать головой уже не мог.

— Должно быть, вы очень уж много возомнили о себе, с тех пор как разбились, — сказал китайцу козлоногий обер-унтер-генерал-капитан-сержант. — А я всё-таки не вижу, чем тут гордиться. Ну так как же? Выдадите её за меня или нет?

Тогда трубочист и маленькая пастушка умоляюще посмотрели на старого китайца, опасаясь, как бы он не кивнул головой. Но кивать он уже не мог, а рассказывать при посторонних о том, что ему вставили планку в горло, было неприятно.

С тех пор обе фарфоровые фигурки так и стояли рядышком, благословляя планку в горле деда и продолжая любить друг друга, пока не разбились.

*Ганс
Христиан
Андерсен*

С К А З К И

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Консультант
по художественному оформлению
В. В. Лебедев.

Ответственный редактор
Н. А. Страшкова.

Художественный редактор
В. В. Куприянов.

Технический редактор
Э. П. Коренюк.

Корректоры

Г. М. Шукан и А. К. Маляжо.

Подписано к набору 21/III 1968 г.

Подписано к печати 30/VII 1969 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1.

Печ. л. 10. Усл. печ. л. 16,8.

Уч.-изд. л. 18,02. Тираж 50 000 экз.

Ленинградское отделение ордена
Трудового Красного Знамени
издательства «Детская литература»

Комитета по печати при Совете
Министров РСФСР.

Ленинград, наб. Кутузова, 6.

Фабрика «Детская книга» № 2

Росглаволиграфпрома Комитета по
печати при Совете Министров РСФСР.

Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 322.

Цена 1 р. 90 к.